

Цикл «Историк».
Рассказ V.
Кошмары
создателя

Стас Северский

Цикл “Историк”

Рассказ V

Кошмары создателя

*Не должно творцу ждать, когда
ответственности от него
потребуют его творения, – он
призван брать на себя
ответственность еще при их*

замысле.

Готфрид Грабен

Крысы особенно решительно подошли к изучению этой записи, но я еще не знаю, в чем дело. Они мне пока ничего толком не говорят. Они мне никогда ничего толком не объясняют, считая, что я не такой сообразительный, как есть. Это они зря, я все равно разберусь, в чем тут дело, – с ними или без них. Только они знают, в чем дело наперед, а я узнаю после того, как прослушаю мысленный отчет этого ученого. Так уж бывает из-за того, что крысы

КОТОВ

ТАКИМИ

ВЫСОКОИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ

СУЩЕСТВАМИ, КАК ЕСТЬ, НЕ СЧИТАЮТ.

(Готфрид Грабен – полковник второго отдела первого управления службы научных исследований Шаттенберга. Уровень – S3, личный номер – 3001. Отчет в ментальном формате)

**Запись №1 01. 09. 125 год Новой
Техно-Эры 7:00**

Груда грохочущего железа обрушилась мне на грудь, вырывая мой разум из непроницаемого мрака, но я не открыл слепленных сном глаз. Шлак, скрежеща заржавленными суставами, склонился над моим ухом и угрожающе зарычал, но глаз я не открыл. Ондохнул мне в лицо сероводородом, но я только отмахнулся, отгоняя его смрадное дыхание к открытому окну. Железные когти лязгнули о мой ошейник и начали настойчиво скрести ключицу, а я отвернулся к стене, утыкаясь лицом в подушку...

– Грабен, вставай! Ты должен

встать и идти на службу!

– Еще десять минут...

– Одна, Грабен! И я начну кусать!

Шлак скрипнул тяжелыми челюстями, напоминая, что его пасть полна покореженных и обломанных зубов, но и это не подействовало. Я вяло стукнул едва сжатым кулаком по подушке...

– Укусишь – отправишься на свалку... Место, Шлак... Место...

– Надо же, как страшно! И не думай от меня отделаться такими угрозами!

– Это приказ, Шлак...

Шлак поразмыслил и исполнительно скрипнул хвостом, соскакивая с постели и отправляясь под кровать, к своре подобных ему кошмарных механических “собак”. А я постарался отогнать мысли о наступающем утре. Я бы отдал все – только бы оно не настало. Но оно – некорыстно и, следовательно, – неподкупно, что значит, – неотступно и несокрушимо. Утро одержимо убеждением обличать обманную ночь – оно проявляет правду резкими лучами, рассекая ими, как отточенными мечами, призрачные видения мрака. Оно

преследует и заключает зыбкие образы тьмы в вечно темных тюремных застенках. Оно регулярно наступает на ночь, занимая позицию всегда правого светоносца, не ведающего неповиновения. И я вынужден с каждым его вторжением вставать, выходить и видеть генерала Сигертра Стага... Каждое утро мне приходится встречать его – человека, с которым мне невыносимо находиться и в одном здании. Его появление в корпусе затмевает даже постоянное присутствие моих подчиненных. Даже общество воистину невыносимого капитана Хэварта Райнхольда мне вытерпеть не так тяжело, как визит генерала

Стага, – ученого, поступающего
принципами человека во имя науки.

Торжественный зов к
пробуждению заполнил звуком
гулкие коридоры, но не заглушил
скорые шаги и звонкие голоса – нам
приказано приступить к работе
раньше положенного времени. Но я
еще не пробудился и продолжаю
лежать в постели, смотря через окно
на серые башни Шаттенберга,
поднимающиеся над предрассветным
туманом. Окно открыто, и хилый
ветер пробирает меня утренним
холодом до костей. Зябко. Трудно
покинуть постель в такую
промозглую рань. Но луч

восходящего солнца бьет мне в глаза все неуклоннее... И труба зовет... Я знаю, что все это должно бодрить, только воли встать и выйти это все мне не дает...

– Шлак... Я не могу... А я должен появиться на построении... Я неделю не появлялся...

Шлак, подключенный моим зовом, забрался мне на грудь и начал исполнять задачу – делать мое дальнейшее нахождение в постели невыносимым... Он царапает меня наждачными когтями, вцепляется в мои волосы обломанными зубами и мерзко шипит мне на ухо, угрожая

гневом генерала Стага... Но безуспешно. “Спутник” вышел из ниши в стене, протягивая мне отглаженный китель, а я еще не поднялся...

– Шлак... Я обязан пойти на построение...

Страшный “щенок” призвал на помощь свору, отдавая в голос простые команды всей своей скрежещущей и громыхающей рати. Мои механические кошмары разошлись, скуля и воя, стаскивая одеяло и вырывая подушку, душа и царапая... Стараясь сообщая, они добились своего, и меня обдало

смутным ужасом, бродящим между сном и явью. Мой разум, наконец, включился, и я, в конце концов, вскочил на ноги, отбиваясь от чудовищных конструкций и отбрасывая кошмары в темноту...

Я с трудом вдел руки в рукава и натянул сапоги. Шлак, видя, что я все же встал, успокоился и решительно распорядился, разгоняя свору, — снова пряча отражающие мои страшные сны конструкции под столом, под кроватью... Мои подручные “псы” скрылись в темных углах, и я снова рухнул на постель... Нет, я не встану. Я пропущу построение. “Спутник” зря старается

поднять меня...

– Вас ждут, полковник. Вы должны идти.

– Еще минуту... Одну минуту...

– Заводы шестого укрепления Хантэрхайма встали после очередного налета. Хантэрхайм не восполнит потери без помощи Шаттенберга. Северной крепости нужны солдаты и офицеры. Вы должны встать и идти.

– Покажи мне последние данные.

“Спутник” включил экран, выводя данные на развернутую во всю стену

проекцию. У меня начала болеть голова, когда я всмотрелся в столбцы кодовых обозначений...

– Хантэрхайм отстоял шестое укрепление, но оно – разрушено, полковник.

– Три полка шестой армии – шесть тысяч человек... И высшие офицеры... А нам на одного полкового командира необходимо три часа... Нет, мы не справимся...

Андроид согласно склонил голову, переключая таблицы данных... Но у меня не получилось сосредоточиться на них...

– Первому управлению поручены и рабочие, полковник.

– Десятки тысяч – только на нас... И их высшие офицеры... И их генералы... Нет, мы не справимся. Нам и спешить смысла нет. Мы и за месяц их не закончим.

– Генерал Стаг распорядился передать солдат специалистам рабочих подразделений для внесения прежде прописанных программ памяти.

– Он даст этим солдатам память погибших?

– Так точно.

– Без изменений?

– Так точно. Нет времени на разработку новых программ памяти и исправление старых.

– Полное психическое совпадение?

– Все верно, полковник.

– Тогда и генетическое тоже? Коды высшей памяти пишутся в соответствии с ДНК.

– Да, полковник.

– Это строго воспрещено.

– Приказом главнокомандующего генералу Стагу переданы необходимые полномочия.

– Спрашивать со Стага результата в кратчайшие сроки и не требовать отчета в средствах достижения цели – это умопомрачение чистой воды...

– Это не безумие, а – необходимость. Будьте бдительны, полковник. Сегодня, возможно, будут допущены существенные ошибки.

Все мое тело, весь мой дух – все сопротивляется моим тяжким сборам... Генерал Стаг до боли сильно сдавливает мои виски холодной волей... Я не могу

противостоять ему, но не могу и подчиниться – у меня нет сил... Он просто парализует мой разум, и я падаю на постель...

– Офицеры нужны Хантэрхайму все время этой войны – этой нескончаемой войны... Это длится годами... Это годами не дает мне выспаться... Мне нужно время...

– Вы истратили время, отведенное на сон, конструируя Одиннадцатого.

– Да, я сделал одиннадцатый кошмар для того, чтобы он будил меня вместе со всеми остальными отображениями ужасающих сонных видений, способных меня

разбудить... Я устал и теперь не просыпаюсь от простого плохого сна или прежнего его отображения, подобного Шлаку... Одиннадцатый пока пугает меня настолько, что пробуждает мой разум...

Адъютант стянул меня строгой формой, как удавкой, поднимая с постели силой... Я оттолкнул холодную руку железки, протянутую к моей шее, и расстегнул душащий меня воротник... Но “спутник” снова скрепил стяжку... Я решил не спорить с ним, а отослать его, и тогда – просто ослабить все эти застежки, запирающие меня в светлом одеянии, как в оковах...

– Принеси мне кофе из столовой... А еду не приноси – не надо...

Андроид осмотрелся и остановил прохладно светящиеся глаза на моих подручных роботах, прячущихся под столом, под кроватью...

– У вас депрессия, полковник. Вам следует обратиться к врачу.

– Со мной все в порядке.

– Я настаиваю. Я вызову вам врача.

– Я – офицер S3.

– И офицеры S3 страдают депрессией. Вас мучают кошмарные сны. Это может пагубно отразиться на вашей профессиональной деятельности.

– На моей работе это никак не скажется. Ступай в столовую.

– Пока еще вы делаете кошмарных механических “собак”, но скоро вы начнете делать чудовищных людей.

– Я давно не биопрограммист, не забывай об этом.

– Вы нейропрограммист и должны об этом помнить. Вы не можете изуродовать тело человека, но

можете изувечить его разум. Вы задаете коды высшей памяти и несете равную ответственность со специалистами, занимающимися низшей памятью.

– Как бы нашу ответственность ни уравнивали, – коды первостепенного значения и первоначальные параметры, определяющие человека, задают разработчики ДНК. Я ставлю задачи высшей коррекции и высшего контроля, не выходя за пределы прописанных ими условий, а только внося уточнения и поправки в их установки.

– Коды высшего контроля

подчиняют низшую память. Вы и ваши подчиненные несете равную ответственность с полковником Вэймином и его людьми.

Вэймин... Он всегда был на шаг впереди, выслуживаясь перед генералом Стагом... Вэймин занял мое место, и теперь моя должность крепко зажата в его руках – в когтях “дракона”. А меня Стаг отодвинул – сослал в глушь, в десятый блок, занимающийся только контролем. Со временем я вернулся в первый блок. Но мне пришлось перейти на другое поле деятельности и вступить в должность с ограниченным влиянием на личность людей. Я

сохранил статус создателя, но круг моих полномочий при построении памяти значительно сузился. Я проектирую одну лишь сложную психику – пишу, пусть непростую, но последующую память. Моя задача серьезна – я задаю людям знания, заменяющие первый опыт познания. Именно на эти знания опирается понимание людьми происходящего, – исходя именно из этих знаний, люди дают оценку событиям и себе. Личность строится на их основе, но только – отчасти, только – достраивается. Я даю людям душу, но – лишь частично, лишь опираясь на данные Вэймина. Мне запрещено писать сложную память, способную

перекрыть простую, прописанную им. Противоречия – недопустимы. Они увечат личность, калечат человека. Поэтому я принужден оставаться последователем “дракона”. Он задает изначальные параметры, загоняя меня в их тесноту, – он задает направление, вынуждая меня тащиться у него в хвосте. А его создания – они всегда покорны судьбе. Это претит мне. Склонны они к надменности или к робости, к жестокости или к жалости – они всегда покорны и всегда ждут приказа. Они похожи на своего создателя, никогда не выходящего за пределы строгих распоряжений Стага.

Мне тошно от того, что Вэймин выслуживается перед генералом, а генерал – перед наукой... не в настоящем, а в – служебном смысле слова... Стаг – офицер S12, подходящий для всех служб системы, но в сути своей он – солдат, не дающий свободы даже себе. Отстаивая науку, он всегда готов пойти против руководителя, но, только исполняя распоряжение – высшего начальника. Для него не существует приказа главнокомандующего, но только, когда существует другой приказ – верховного главнокомандующего.

– Я – нейропрограммист высшей

категории. Никто, ничто, никогда и никак не влияет на мою работу. Иди же.

“Спутник” повиновался и оставил меня прикуривать сигарету от Шлака, из пасти которого вырвался тонкий огненный язычок...

– Шлак, порой мне кажется, что мой адъютант ты, а не он...

Шлак вдумчиво взгляделся в меня, напрягаясь от тяжких для его простого разума мыслей...

– Ты зря так не внимателен к его мнению, Грабен.

– Не думаешь ли ты, что мой “спутник” прав?

Шлак, раздумывая, склонил зубастую голову на плечо, проломленное одним моим офицером, увидевшим страшного “зверька” у себя на груди сразу после подключения... Но Шлак не жалуется на повреждение – он знает, что это заслужено... Я объяснял ему, что он страшный, что ему нельзя подходить к созданным мной солдатам, – особенно, когда их только подключают, когда они еще не до конца понимают происходящее...

– Он прав, Грабен. Ты мрачнеешь

день ото дня, делая мне “собак” все чудовищнее и чудовищнее.

– Это из-за Стага, который суровее с каждым налетом на Шаттенберг. Из-за всего этого служить в первом управлении становится просто невыносимо. Но ничто из этого никак не сказывается на исполнении моих прямых служебных обязанностей.

– Война тяготит и гнетет нас всех, Грабен. Но ты мрачнеешь не только из-за нападений на нашу крепость. И Стага ты ненавидишь не только из-за его суровости. С тобой что-то происходит, Грабен, и это – не

угнетенность войной и обстановкой в управлении, а что-то другое.

– С чего ты взял?

– С того, что это началось еще раньше, – прежде первого разрушительного налета на Шаттенберг и прежде первых жестких проявлений Стага. Это началось, когда ты собрал меня, а я помню, что тогда не происходило ничего подобного последним событиям.

– Хочешь сказать, что проблемы не у всех вокруг, а у меня одного?

– Я это и говорю, Грабен. Это

тревожит меня. Меня беспокоит будущее, сотворенных тобой людей, — особенно, когда я смотрю на себя в зеркало.

— Моя ответственная служба беспокоит всех, кто видит тебя, Шлак, но это безосновательное беспокойство.

— Меня пугает и одна мысль о том, что ты можешь сделать человека такого же ужасного внутри, как я — снаружи.

— Ты знаешь, что этого не произойдет. Тебе известно, каких качественных людей я кодирую.

– Люди, сделанные тобой, безупречны. К ним не придерешься. Но среди них нет никого особенного, они все – обычные.

– Такие, каких требуют.

– В этом все и дело. Тебе не по душе делать таких людей, так что по ходу дела ты травмишь душу скукой все сильнее. Тебе скучна такая деятельность, и ты – не справляешься со скукой. Особенно теперь, когда крушат Шаттенберг и когда Стаг ожесточается.

– Нет, Шлак, просто я служу не на своем месте.

– Вiniшь Вэймина, занявшего твое старое место? Но на прежнем месте ты делал таких же скучных людей и так же скучал.

– Не так.

– Ну пусть не так, но – скучал.

– В общем, верно, Шлак. Я и засиделся, и застоялся на месте – меня снедает тоска. Но это ничего не меняет и не имеет никакого значения. Я должен делать таких людей, каких требует система, и я – делаю. Я пишу коды, соблюдая правила и не пренебрегая стандартными схемами.

– Выдержишь ты так и дальше – тогда все так тянуться и будет. А не выдержишь – сделаешь очередного человека настоящим чудовищем.

– Я справлюсь со своей скукой. Не думай, что я перечеркну такой глупостью, как послабление, годы безупречной службы. Но с чего ты взял, что, откликнувшись призыву души к движению вперед, я сделаю настоящее чудовище, а не подлинного героя?

– С того, что у тебя в голове только кошмары вроде меня и моей своры.

– Ты ошибаешься, Шлак. Никогда ни один человек не получит от меня

ни одного обрывка моего кошмара.

– Только пока ты не дашь ему ни одного обрывка своей души.

– Ты ошибаешься. Я способен создать выдающегося человека, вложив в него свою душу, – человека, вершащего великие дела.

– Трудно в это поверить.

– Конечно, ты же – единственное мое создание, разделяющее со мной мою душу. Но с тобой я разделил душу, погруженную во мрак ночи, а с человеком – разделю душу, озаренную утренним светом.

– А где ты такой свет возьмешь, Грабен?

– Я не так мрачен, Шлак, – свет есть и в моей душе.

– Что-то не верится. Внешность отражает душу, а ты выглядишь не как творец, а как гробовщик, Грабен.

– Не следует судить человека по одному его виду.

– Но у тебя такой похоронный вид, Грабен. Я не уверен, что это ни о чем не говорит.

– Не дело сомневаться в создателе, Шлак.

– Ты дал мне код сомнения в себе, а значит, – и в других, и в тебе.

– Да, я мог дать тебе разум глупой собаки, но дал – разум неглупого человека, чтобы ты не просто верил, что я – главный, а понимал, что я – главный.

– Ты не мой командир – ты мой конструктор и друг, Грабен.

– И конструктор, и друг, и – командир.

– Такого не бывает.

– Создатель – всегда начальник. А хороший создатель – еще и друг.

– Я не слушаюсь тебя – я делаю все, что мне в голову взбредет, а не тебе. Ты собрал меня из заводского шлака – мне это обидно, и этого я тебе никогда не прощу.

– Несносный ты “щенок”, Шлак! Прямо черт из преисподней!

– Ну так сделай себе другого друга, если я тебя не устраиваю!

– Я сделаю! И не сомневайся! Это будет особенная “собака”!

– Ладно, делай “собаку”. Лучше уж механическую “собаку”, чем живого человека. Но знай, что и за “собаку” я на тебя обиду затаю и не

буду тебя слушаться из мести.

– Глупый “щенок”! О чем ты только думаешь?!

– Обо всем, Грабен. Но больше всего – о себе.

– Ты – моя “собака”. Ты должен думать больше обо мне, чем обо всем другом.

– Это ты дал мне личность. Я не могу не думать о себе – я же отделяю себя от других и от тебя. Самосознание и самопознание – суть личности. К тому же ты дал мне кусок своей эгоцентричной личности. Я – твое отражение,

Грабен.

– Кусок моего отражения. И, видимо, как раз тот кусок, который крутится вокруг себя и не думает о долге и ответственности перед окружающими.

– Кто бы говорил, Грабен. Ты опоздал на службу, задержал всех своих подчиненных и затруднил начальника. Ты только и думал, как бы провалиться в постели подольше, когда Хантэрхайм понес такие потери, что дух стынет.

– Хантэрхайм с незапамятных времен не перестает погребать в нескончаемых сражениях созданных

нами солдат... А я не железный, в отличие от тебя...

– Дело не в корпусе, Грабен, а в мышлении. Иди на работу уже, а то я тебя укушу!

Запись №2 01. 09. 125 год Новой Техно-Эры 7:30

Как только я переступил порог пустого затемненного зала и засветил экраны главного компьютера, пришел Райнхольд. Я сделал вид, что не обратил на Хэварта, вставшего в

дверях на пороге, никакого внимания. Я покажу ему, что занят, и подожду, пока он уйдет. Но он не уходит – возможно, его дело действительно важное. Он ждет, терпя возрастающую обиду и въедливо всматриваясь в меня. Придется отложить еще не прочтенные отчеты и заметить его.

– Разрешите?..

Хэварт осекся и окинул холодным взглядом Шлака, открывшего подсвеченную изнутри пасть и показавшего кривые клыки...

– Разрешаю. Проходите.

Хэварт прошел, и двери сошлись за его спиной, отсекая его от светлого коридора и запирая со мной в полумгле – один на один. У меня нарочно мрачно и специально холодно – ко мне мои подчиненные стараются не заходить, а когда заходят – стараются не задерживаться. Но Хэварт – человек крайне решительный и настолько целенаправленный, что не страдает привычкой смотреть по сторонам. Ему приходится оказывать особо негостеприимный прием. Мои “псы” принудили его прокашляться – он повысил голос, но его надсадный крик не перекрыл их рычания. Я прочел в его глазах крик еще

надсаднее, но он сдержался и промолчал. Он понял, что я и без его пояснений знаю, что издеваюсь над ним. Ничего, потерпит – ему полезно знать место, как и моим “псам”. Хэварт – карьерист, считающий порядочность – слабостью, а принципиальность – глупостью. Он – беспринципный человек, не понимающий человеческого обращения, – на него действуют только примитивные методы подавления. Для Хэварта нет правил, пока нет наказания за их нарушение. Начальник для него – человек неприступный, как крепость. Он признает только презирающего его руководителя, не позволяющего ему

поднять головы. Поэтому я унижаю его, возвышаясь в его глазах. Поэтому он не посягает на меня и мои приказы: я для него – недостижимая вершина.

– Полковник, у вас новый робот? Одиннадцатый?

Подхалимский подход – чем прямее я его ставлю на место, тем кривее он прогибается передо мной, пытаюсь покинуть отведенное ему место в отдалении и подобраться поближе. Ему дела нет до моих “собак”, но он старается быть внимательным к ним – особенно к моему любимцу, чье место он,

кажется, только и мечтает занять.

– Вы еще не разучились считать, капитан. Достаточно о “собаках”, переходите к делу.

– У меня к вам вопрос. Он касается капитана Мао.

Так я и думал. У него редко возникают другие вопросы. Ко мне он является обычно – доносить на соратника, ставшего его главным соперником.

– Тогда и задавайте его в присутствии капитана Мао.

– Точнее, капитан Лей Мао

касается вопроса, касающегося вас.

– Подождите, пока я свяжусь с капитаном Мао.

Хэварт низко наклонил голову, повинуюсь, но от меня не укрылось его покривленное неприязнью лицо – он отчаянно ненавидит Лея, рьяно роя ямы у него на пути. И Лей в его ямы постоянно попадает и падает... Хэварт четырежды сшибал его с ног на подъеме, круша и его служебную лестницу... Но Лей вставал на ноги, строил новую лестницу и начинал новое восхождение. Он заслужил мое доверие и уважение. И Хэварт перестал ненавидеть его напоказ. А

позже – стал пугаться осуждаемой мной ненависти к Лею настолько, что решил его передо мной полюбить. Я не жду, что Хэварт окажется таким старательным службистом, что убедит себя в доброй дружбе с Леем, угождая мне. Он никогда искренне не поверит в приязнь к Лею – к основному своему сопернику. С ним мне не суждено спокойно заниматься служебными обязанностями. Я должен все время вникать в его дела и оберегать всех не совсем дурных сотрудников от его выпадов. Лея – особенно. Он настолько честен и порядочен, что всегда идет вверх по служебной лестнице, но никогда не доходит до

верха. Как я от них всех устал... Как они все мне надоели...

Я вызвал Лея, через сетевую связь, но он не отозвался. Сосредоточился на его мысленной активности и определил его местоположение – он в коридоре, рядом... Он идет, подходит к моим дверям...

При полной занятости они нашли время для личного доклада – похоже, дело действительно важное. Правда, для выяснения вечного вопроса “кто прав, кто виноват” время они находят всегда... Я просто подержу их и посмотрю, что останется от их сообщения при отсеве всего не

главного... При такой нагрузке долгие разъяснения и длительные разборы недопустимы – острая нехватка времени вынудит их сократить сообщение и опустить все, что не относится к делу...

– Разрешите?..

Лей покосился на моего нового “пса” и запнулся, рассматривая его...

– Разрешу позже. Ждите.

Когда мои механические помощники с раздирающим слух скрипом скрылись под столом, я, не спеша, опустился в кресло. Хэварта и Лея я оставил стоять и ждать, пока я

подключу экраны и посмотрю последние приказы Стага, пока подгружу еще не прочтенные отчеты подчиненных... Хэварт начал нервничать, и я решил продержатъ его в неизвестности столько, сколько получится. А Лей Мао – сносный офицер S1 – понимает, что я занят неотложными делами, и ждет спокойно. Он поприветствовал высунувшегося из-под стола Шлака, и страшный “щенок” скрипнул хвостом... Хвост Шлака снова стукнул по голенищу моего сапога... и заходил ходуном, отрывая меня от только что открытого отчета... Я перевел взгляд с экрана на него...

– Хватит, ты их достаточно выдержал – они теперь точно все, как на духу, выложат без вывертов в свою сторону.

Я напустил в глаза холода и поднял взгляд на Лея...

– Обращайтесь, Мао.

– Счел должным обратиться по вопросу, возникшему по данным, переданным биопрограммистами.

Я прижал руку ко лбу, унимая одолевающую меня головную боль...

– Докладывайте о данных.

– Мной были обнаружены ошибки, не выявленные техникой.

– Докладывайте об ошибках.

– Мной найдено расхождение данных с документацией. Коды низшей памяти последнего офицера, спроектированного первым отделом, прописаны неверно.

– Они утверждены Стагом – все в порядке.

– Считаю, данные нуждаются в дальнейшей проверке. Прошу вас просмотреть коды низшей памяти, присланные первым отделом, полковник.

Я посмотрел на режущий светом глаза экран и пригасил его...

– Все в порядке, Лей.

– Прошу вас, просмотрите подробнее.

– Считаете, Вэймин прописал программу с погрешностью?

– Не с погрешностью – с грубой ошибкой, полковник.

Я перевел пристальный, леденящий душу, взгляд на Хэварта...

– А вы, Райнхольд, как считаете?

– Я уверен – все в полном порядке,
ПОЛКОВНИК.

Понятно, они опять не сошлись во мнениях и не смогли продолжить совместную проработку памяти без моего вмешательства. Они постоянно спорят, и их споры все время приходится решать мне. Я развернул экран шире, просмотрел схемы памяти и помрачнел... Вэймин спроектировал стоящего офицера... К сожалению, я не могу отрицать этого и не могу не согласиться по этому поводу с Хэвартом... “Дракон” сориентировался сразу и подстроился под требования северной крепости – его офицер

полностью соответствует схеме
воина северной армии... Хэварт
прав...

– Все в порядке, Лей. В проекте
получается агрессивный человек –
сильный и целеустремленный. Он
подойдет для севера.

– Он не просто настойчивый, он –
просто, непреклонный. Кажется, что
он – чересчур жесток.

– Только для Шаттенберга.
Человек, обязанный вступить в войну
на севере, должен обладать как раз
такими качествами.

– Он – опасен, полковник.

– Он излишне агрессивен лишь в проекте Вэймина, а в моем плане он – сдержан. Я пропишу ему надлежащую память, и он перестанет представлять опасность. Суровый, целеустремленный офицер – он спроектирован специально для Хантэрхайма.

Я дал Лею понять, что разъяснения окончены, но Лей остался стоять на месте, смотря на меня в упор...

– Его враждебности выдержкой не задавить – он останется слишком агрессивным даже для севера.

– Не забывайте, что задавливать

его волю будет не только моя воля. Его будет давить все вокруг. Город, который ему предстоит оборонять, окружен вечными льдами и ведет бесконечную войну. Для такого города необходимы как раз такие воины, которых не раздавят льды и вражеские орды.

Совсем узкие глаза Лея открылись шире привычного – он присмотрелся ко мне пристальнее, словно стараясь увидеть что-то ускользнувшее от его глаз...

– Он не воин, полковник.

Я указал ему развернутый перед ним код.

– Это офицер S7, Лей.

Хэварт подлетел к экрану, продираясь сквозь данные кода...

– Он – боец, Лей. Он – капитан S7.

– Но написано, что он – офицер S4 – рабочий.

Я всмотрелся в коды, сверяя данные и документы капитана... Проверил, перепроверил... Действительно – не совпадает... Я вырвал из рук “спутника” карту памяти с отчетными данными Вэймина... вывел отчет “дракона” на монитор, сверяя с системными

данными... Все сходится – вернее, расхождения одни и те же... Вэймин, видимо, еще не проснулся, но наша контрольная техника никогда не спит... Мне не ясно, как он мог допустить такое... как могли допустить такое его подчиненные, его машины... А главное, – я не понимаю, как такое могли пропустить мои офицеры, моя техника... Один Лей заметил... Один Лей, узко прорезанных глаз которого я даже разглядеть не могу... Я уронил голову на руку – уже с утра болит... Уже с утра черт знает что... Я приказал “спутнику” составить отчет и...

– Вэймин... Он нужен мне... Лей, раз уж вы здесь... Свяжите меня с ним – сейчас. А вы, Хэварт... Свяжитесь с первым расчетным управлением. Просите полковника Ветрова. Он рассчитает поправки к задаче, поставленной нашей технике, определит неточности, пропущенные его подчиненными, и скорректирует задачу. Сообщите командиру контрольного блока о неисправности аппаратуры на ступени простой памяти. Он проверит последние поправки к программе памяти и найдет недочеты технопрограммиста. Обратитесь к технопрограммисту – вызовете полковника Воронова. Он перепишет

поправки к программе. Помните – все начинается и кончается в расчетном управлении. Передадите данные Ветрову. Когда он утвердит исправленную задачу, тогда и поставим поправленную память... тогда и починим технику...

– Им понадобится много времени, а у нас его мало. Мы не сможем ждать так долго, полковник.

– Мы не станем ждать, Хэварт. Мы продолжим. Нам придется действовать, не опираясь на надежную аппаратуру, так что нам нужно стараться не допускать никаких неточностей. Я потребую от

всех вас предельной
сосредоточенности, и вы
постараетесь все сделать правильно.

– Мы никогда не работали без
оборудования... Мы не можем...

– Мы будем работать не без
оборудования, а с оборудованием,
дающим сбои. Я буду требовать от
вас внимательности и
контролировать вас. Конец
обсуждению.

– Так точно.

Я подключился к линии, как
только Вэймин отозвался...

– У вас вопросы по последнему офицеру?

– Вопросов нет. По данным он – боец, а по документам – рабочий.

Вэймин замолчал, просматривая документацию... Его молчание затянулось...

– Сейчас... Я скор с этим...

– Вы по причине недосмотра сделали – бойца, а ваша техника по причине неисправности сочла его – рабочим. Вот и все, Вэймин.

– Нет, моя аппаратура исправна...

– Ваша техника рассмотрела коды офицера S7, как коды офицера S4, подходящего для Хантэрхайма.

– Нет, невозможно... Я мог недосмотреть, перепутать приказы и прописать память бойца, а не рабочего, но техника... Нет, техника не могла пропустить такого расхождения и принять штурмовика за строителя...

– Ваша техника не отличила сделанного от требуемого.

– Нужно проверить новые поправки к задаче, недавно поставленные нашей технике. Возможно, дело в них.

– Уверен, что дело в них. Сигертр Стаг решил поставить поправки, не взирая на препятствия в виде Ветрова. Он принудил Ветрова утвердить задачу в укороченные сроки. Стаг, не помня покоя, не посмотрел на возражения Воронова. Он вынудил Воронова писать память спешно. Он заставил командира контрольного блока пропустить наскоро прописанные поправки.

Я прижал ладони к вискам крепче, опираясь на локти тяжелее...

– Да, недостаток времени вынудил генерала сократить время проверки.

– Теперь недостаток времени

ударит его сильнее, а нас всех вообще – собьет с ног. Техника сбоит, Стаг требует, а я устал. Расчеты Ветрова, кодировки Воронова – все срывает мне график... Не срывают мне график и вы, Вэймин...

– Что я могу сделать?

– Просто перепишите память требуемого строителя – я подожду. А прописанные прежде коды отложите пока в сторону. Передайте их следующему в списке офицеру вооруженных сил – ему эти схемы памяти подойдут.

– Я не могу сделать этого.

– Не можете? Но этот человек призван сражаться на севере. Другого ему не дано. При других обстоятельствах этот человек будет опасен. Оказавшись не на своем месте, он совершит преступление.

– Постарайтесь сделать его честным человеком и не дать ему стать преступником.

– Вэймин! Я не беру в разработку этого бойца! Я не приговорю этого бойца быть рабочим!

Вэймин вышел на монитор, не скрывая от меня и моих подчиненных глаз, чернеющих пропастями... Я впервые вижу его

отчаяние, но оно не радует меня – оно касается и меня...

– Поздно – он приговорен.

– Стаг утвердит перестройку этих данных так же, как утвердил эти данные.

– Поздно проводить перестановки. Этого строителя требуют срочно – он нужен для восстановления разрушенного укрепления. Мне не хватит времени переписать его коды.

Я еще крепче прижал руку к разрывающейся на куски голове...

– Нужно требовать время у Стага.

Иного выбора нет. Вы же не собираетесь обречь на страдания вашего человека.

– Нет, не собираюсь. Вы правы, выяснять придется со Стагом. Но это ничего не даст.

– Попробуйте. Конец связи.

Вэймин оборвал связь, оставляя нас в ожидании, но долго ждать не пришлось. Лей подключил меня к линии Стага...

– Грабен, офицер переходит к вам.

– Этим офицером должен заниматься полковник Вэймин,

командир.

– У него нет времени. Займетесь вы.

– Я не имею права писать коды низшей памяти.

– Оно вам и не потребуется! Тело этого офицера составлено и подготовлено к внесению высшей памяти! И вы сделаете из этого воина – рабочего! На уровне психики!

– Я не имею права, командир.

– Я дам вам право на все, Грабен, когда это потребуется для исправления положения! Сейчас я

передам вам полномочия на нарушение правил!

Я отнял руку от расколовшейся головы, не представляя, как собрать все эти осколки...

– Это невозможно, командир.

– Вы сделаете это! Вы скорректируете его агрессию! Сделаете это сейчас же!

– Его низшая память возьмет верх над всеми внесенными мной поправками.

– У нас нет времени на выяснения! Исправление поручено

вам!

– Его сдержит только страх, калечащий его психику.

– Вам не составит труда запугать и черта! Вносите коды, которые сочтете нужными! Вы получите мое подтверждение на все, что сделает этого офицера пригодным к службе в требуемом подразделении системы! Работайте, Грабен! Справитесь – я награжу вас достойно! А не справитесь – окажетесь на свалке вместе с вашими “собаками”!

Я еще не собрал осколки мыслей, а Лей уже прочел приказ, проявившийся на мониторе

приговором... Его, обычно
сощуренные в щелки, глаза
расширились, а серьезное лицо стало
строгим...

– Как мы это сделаем, полковник?

– Не знаю, Лей... Еще не знаю...

– Дадим ему высокие принципы и
твердые устои?

Я опустил глаза к оскаленным
вечным злом роботам, затаившимся
под моим столом...

– Нет, Лей... На мораль нам не
хватит времени... Мы просто
запугаем его.

– Но тогда мы покалечим этого офицера...

– Нет... Мы сделаем его пригодным к службе...

– Но мы обречем его на страдания, полковник...

– Он не станет счастливым, но сможет служить системе. Иначе его спишут. Иначе нас всех спишут.

Лей свел густые брови черной прямой, собираясь ответить, но осекся, когда Хэварт окинул его презрительным взглядом...

– Это приказ. Этим все сказано,

Лей. Или вы собираетесь оспорить приказ полковника? Или не подчиниться Сигертру Стагу?

Хэварт, не долго думая, вывел на экраны коды общего обучения. Обычно эти данные мы передаем по одной стандартной для всех схеме, но теперь их придется поправить. Хэварт подкорректирует курс обучения: часть данных исключит или ослабит, часть – уточнит или усилит. Тогда этот офицер не узнает того, что войдет в противоречие с его личностными установками, заданными мной. Он не узнает этого до времени, но времени этого хватит для укрепления его личности – моей

программы. Нетронутым мы оставим только курс специализированного обучения.

– Лей, что вы стоите?! Садитесь к компьютеру! Хэварт, подключите к делу лейтенанта Лисицына! У нас мало времени! Шлак, иди ко мне! Помогай и ты, “щенок”!

Шлак выполз из-под стола и загрохотал, забираясь на стол...

– А что я могу, Грабен?

– Мой “спутник” занят – ты за него.

– Я не предусмотрен.

– Не перечь. Просто, делай все, что я скажу.

Шлак осмотрелся и мотнул гремящей головой...

– Не нравятся мне твои распоряжения, Грабен. Не нравится мне то, что ты собираешься сделать.

– У меня нет выбора.

Шлак понурился, клацнув зубами, но снова поднял голову, посмотрев на меня тоскливыми глазами...

– Да, отправляться на свалку совсем не хочется. Но и такой приказ исполнять – совсем не хочется.

– Дело не только в свалке, Шлак. Это нужно сделать.

Шлак раскинул тугими мыслями и кивнул головой.

– Да, нужно. Только не делай этого тогда, когда это не будет нужно, когда не будет отдано такого приказа. Сейчас твой соратник, которого ты считаешь соперником, провинился, и командир обратился к тебе. Стаг дал тебе свободу, когда у него нет времени для тщательных проверок и когда техника не отрегулирована. Не злоупотребляй этой ситуацией.

– Я не сделаю ни шагу в сторону, ни одной поправки сверх

необходимого. Хватит глупостей, “щенок”!

Один я не смогу к сроку прописать всю программу со всеми дополнениями и расширениями. Обычно я задаю исходные параметры и проверяю выходные данные. И сейчас я пропишу только основные направляющие. Остальное сделают мои офицеры и техника. Я впервые снисходительнее взглянул на Хэварта, с холодной готовностью исполняющего и такие задачи... А Лея, скрепя сердце следующего моим указаниям, я думаю заменить Ганнарром – не столь приверженным морали офицером с воистину

волчьим нравом...

Запись №3

Еще одна проверка данных...
Подтверждение Стага, отправление
данных на завод... Теперь, по
приказу генерала, я должен лично
явиться в блок активации.
Присутствуя при подключении
офицера, я обязан провести еще одну
проверку.

Лей, обычно сопровождающий
меня, остался на рабочем месте – со

мной отправился Хэварт. Его холодные глаза сияют гордостью – он почувствовал, что у меня в фаворе, но чувства обманчивы, что я ему и разъясню в скором времени. Мне не нравится этот человек, несмотря на то, что сегодня он оказался для меня незаменимым.

Нас встретил капитан S4, и я, пользуясь случаем, оставил Хэварта с ним – разбираться с данными. Но Хэварт не понял, что я отстраняю его, а рьяно взялся за дело. Что ж, пусть проверяет данные, которые проверили и мы, и “защитники” нашего контроля, и заводская техника, и офицеры их контроля... Я

проследовал за рабочим рядовым №1 к закрытой еще платформе... И встал спиной к солдату, косящемуся на Шлака, подмигивающего ему глазом с треснутой линзой и скрипучим веком...

– Загрузка.

– Так точно.

– ГОТОВНОСТЬ.

– Так точно...

Солдат отвлекается, не сводя глаз с моего “щенка”, и делает все очень медленно, мало внимания уделяя технике, к которой приставлен, в

итоге – для вида, но которая без его участия, в общем, бесправна... Я повернулся к нему, сверкнув на него примеренным перед зеркалом взглядом. Должное действие этот взгляд на него оказал, но получил я реакцию, обратную ожидаемой, – солдат стал торопиться еще более бестолково, чем тормозил...

– Активация.

– Так точно...

– Установка сорок градусов.

– Сделано, полковник...

Я подошел ближе, следя за

показателями активированного офицера и отодвигая Шлака, рвущегося смотреть...

– Отключение затемнителя.
Отключение внешнего поля.

– Есть отключение внешнего поля...

Я отстранил бестолкового солдата, трепещущего от своей же глупости, убирая его из поля зрения готового к пробуждению офицера...

– Прекращение подачи кислорода.
Полное отключение.

– Есть отключение...

– Полная вертикальная установка.

– Есть вертикальная установка.

– Пробуждение.

Я встал перед офицером, открывшим глаза и с ужасом взирающего на меня и Шлака, вырвавшегося у меня из-за спины... Мы пугаем всех – Шлак просто страшный, а я... Я надменный ученый, достигший высот познаний, недостижимых для других... По крайней мере, так все думают о всех нас – ученых... Только у нас нет солдат – одни офицеры... Только мы сияем снежной чистотой и холодными глазами всегда и везде...

По крайней мере, все думают так.

Я подал руку офицеру, и он сошел ко мне, отпущенный отключенными полями... Первый шаг этого могучего человека не ровен, как его первый вдох... Этот пол для него подобен поверхности луны для нас... Но сейчас солдат облачит его, я проведу последнюю проверку, и он встанет в строй с сотнями тысяч ему подобных...

Я огляделся, ища замешкавшегося солдата...

– Тебя как зовут, солдат?

Солдат   вздрогнул,   уронив

ошейник, предназначенный офицеру, и кинулся собирать оброненные следом вещи... но не собрал ничего, растеряв все и испуганно замерев под моим строгим взглядом...

– Твой личный номер, твой добавочный номер.

У меня снова начала болеть голова, когда Шлак не вовремя зарычал на перепуганного солдата...

– Я... Я забыл, полковник...

Я оставил только что подключенного офицера под присмотром Шлака и подошел к солдату... Его погоны садятся, и

номера высвечиваются блекло – мало того, что он бестолочь, он еще и неряха.

– Заряди.

Он, так и стоящий на коленях в куче растерянных вещей, поднял на меня широко открытые глаза...

– Я не понял, полковник...

– Погоны поблекли.

– Мои?

– Ну не мои же! Что ты здесь делаешь такой?! Кто тебя в блок активации назначил?!

Он вскочил, но ответить ничего не смог, виновато опустив глаза в пол...

– Ты кто такой?! Откуда ты?!

– Мое имя Виктор... Воробьев... Я из Борграда...

– Из Борграда?..

– Так точно.

– Этот город разрушен много лет назад. А ведешь ты себя, будто тебя вчера активировали.

– Меня вчера и активировали... Разведчик из армии Шаттенберга меня нашел и активировал... и

привез... в Шаттенберг...

Я всмотрелся ему в лицо, обхватив рукой его челюсть и подняв ему голову...

— И такое бывает... Шлак, смотри... Этот человек создан до этой войны и только что подключен... И как он обошел нас... Мы возьмем его с собой, Шлак... Мы должны посмотреть, что у него в голове...

Солдат совсем перепугался, вырвался и шарахнулся к стене, споткнувшись о разбросанные вещи...

– Не трогайте меня, полковник... Я все сделаю, только не забирайте меня отсюда... Не надо... Не надо, полковник...

– Но я должен узнать... Ты поврежден... Я должен точно установить порядок повреждений после долгого пребывания в состоянии готовности к подключению...

– Не забирайте меня отсюда, я прошу вас!.. Я сделаю все, что вы скажите!.. Только не забирайте меня...

Я собирался позвать Хэварта, но передумал... Что-то остановило

меня... что-то, связавшее мои вены
веревками, оплетшее мои легкие
паутиной... С частым биением
сердца холодеют мои руки... С
частым дыханием кружится голова...
И эти вихри, затягивающие меня,
запрещают мне забирать этого
солдата, звать Хэварта и
“спутника”... Все во мне молит
разум уступить, все угрожает разуму
расправой... Я должен изучить... но
не его – не этого солдата... Передо
мной открыто что-то еще... что-то
бескрайнее, беспредельное... что-то
– неведомое... Но что это, я еще не
знаю... Мой разум еще не определил
этот объект, и я повинуюсь лишь
несвойственному мне

предчувствию... незнакомому еще мне предчувствию...

– Хорошо, Виктор, ты останешься здесь... Я обещаю тебе, что мои офицеры не тронут тебя... Только не попадайся им на глаза...

– Я вам этого век не забуду, полковник... Я так благодарен вам... Так благодарен...

– Не надо благодарить... Нет, не надо.

Я отослал солдата, призывая “спутника”... Вслед за машиной явился и Хэварт, довольный собой больше прежнего... Он окинул

самоуверенным взглядом офицера, стоящего на ногах уже увереннее, и — усмехнулся... позволил себе... в моем присутствии...

— Хэварт, помогите ему одеться.

— Не беспокойтесь, полковник. Я все сделаю.

Он все сделает... Все сделает — все... Головную боль сменило головокружение... Стаг, Хэварт и этот солдат... Они все сделают для меня, требуя от меня лишь того, что я могу им дать — легко... И все во мне приказывает, чтобы я дал им то, что они хотят... и все во мне просит, чтобы я взял все, что они дадут... Я

возьму все от ожесточенности Стага, стремящегося к цели, не разбирая дороги... все от тщеславия Хэварта, от страха этого солдата... Я погашу в своих глазах неприязнь к ним, чтобы они разожгли мои глаза своим огнем...

– Грабен, иди-ка ты к врачу.

– Шлак, вспомни, что утром “спутник” настаивал на этом, и в итоге я послал его в столовую...

– Он утром настаивал. А я – сейчас.

– Иди в столовую, Шлак, – принеси мне крепкого кофе...

– Меня туда без тебя не пустят. И кофе мне принести никак – я на четырех хожу.

– А ты – в зубах. Заодно научишься молчать.

– Ты меня мысленно общаться обучил. И не жди, что я этим пренебрегать буду.

Запись №4

Я отгородился от грозового взгляда Лея, пересадив на его место

Ганнарра, лейтенанта издавна дружественного с Хэвартом и Лисицыном... Но Лей только пристальнее смотрит мне в спину глазами, скрывающими его мысли непроглядной чернотой... Я начинаю думать, что скоро положу на стол Стагу, покоренному моей не видящей препятствий преданностью, рапорт с просьбой о переводе капитана Лея... Да, мы распрощаемся завтра... Я должен устранить Лея, пока настройщики не нашли погрешностей задачи нашей техники... Они затрудняют работу нам, но и мы им работу тормозим... А пока расчетчики разбираются с задачей, анализируя все варианты,

как неисправностей, так и их устранения, – мои руки развязаны... Искать и исправлять неисправности сложных мыслящих систем – непростого разума, опасной для нас техники, – это тяжело и требует времени... А я постараюсь затруднить исправление задачи и продлить время переустановки... Я постараюсь не упустить эту еще неведомую мне силу, полученную мной неизвестно каким образом, черпаемую мной непонятно из какого источника... Эта сила укореняется во мне, пускает побеги и поднимается ввысь – к недоступному для меня прежде небу... И эти побеги твердеют с моей

уверенностью, и в моей душе
возрастают деревья с мощными
стволами и раскидистыми ветвями...
И все источники текут к этому лесу,
поя его, и все облака слетаются к
нему, омывая его дождем... Ему
светят все лучи дня, и он дышит
всеми тенями ночи...

Шлак уставился мне в глаза
поцарапанными линзами,
перекрывая экран головой,
перекошенной покривленной
пастью...

— Мне не нравится твое
воодушевление, гробовщик.

— Не называй меня так. Я —

создатель.

– Грабен, перестань думать о том, о чем думаешь.

– Ты не знаешь, о чем я думаю, Шлак.

– Здесь все знают, о чем ты думаешь, – здесь, в первом научном управлении Шаттенберга, дураков не держат. Ты планируешь очередное чудовище.

– Не чудовище, Шлак... Я сделаю сверхчеловека... Совершенного человека – сильнейшего, умнейшего человека из всех...

Шлак стукнул не совпавшими зубами и заскрежетал ушедшей вкривь челюстью...

– Грабен, я и рядом с тобой теперь быть боюсь. Помяни мое слово, и мысли такие плохо кончатся. Так что и не думай начинать такое дело.

– Не замолчишь, челюсть не вправлю...

– Ну, я предупредил.

– Не утруждайся. Я не бездумно к делу подхожу... Мне еще многое нужно обдумать... Пошли.

– На свалку?

– Да, на свалку... Найдем запчасти для новой машины... Этой ночью я не лягу спать...

– Мне же лучше – будить тебя не придется. Но не будет моего доверия к тому “псу”, которого ты сделаешь этой ночью, и к человеку, которого ты сотворишь после этой ночи.

– Это будет мой последний “пес”, Шлак, и – мой первый человек.

– Как бы и не последний.

Запись №5

Я с благоговением провел рукой по зубчатому гребню на спине Гарма – огромного гончего “пса” с острыми ребрами и узкой головой, увенчанной одним прямым рогом... Шлак в молчании наблюдал за моей работой... Он склонил голову на побитый бок, и, мигая время от времени поцарапанными глазами, стучит о стол скрипучим хвостом...

– Шлак, можешь и потише...

– Смазка пересохла давно – вот хвост и скрипит. Ты меня совсем забросил, Грабен.

– Не ной. Прикури мне...

– Нечем, Грабен. Газ кончился.

– Я заправлю тебя... позже...

– Тогда сам огнем польхай. Мне не придется глотку обжигать.

– Тебе просто не по нраву мой последний “пес”.

– Грабен, это не “пес”, а холодное оружие, развивающее страшную скорость.

– Вы все – холодное оружие...

– Я еще и огнестрельное оружие.

Был огнестрельным. Теперь же твоим огнеметом будет этот “пес”.

– Гарм?.. Нет, он просто волкодав...

– Значит, я еще главный в своре?

– Главный, Шлак. Гарм будет твоим подчиненным. Он – безмозглый.

Шлак приободрился, рассматривая Гарма, как собственность...

– А что, ничего так “пес”. Хорошее дополнение к моей кошмарной своре. Нас с ним еще больше бояться станут и уважать.

Я улыбнулся в душе – просто, я не умею улыбаться иначе... Они все... Они все будут делать то, что потребую я... Они мои... Все эти черти – мои... Все “псы”, все “волки”, подобные Стагу, Хэварту и Ганнарру, подчинены мне... Только над человеком у меня еще нет власти... Но я получу и ее... Теперь я переполнен силой, превосходящей даже мой разум... Но что-то омрачает мой восторг перед моим величием... что-то тенью прокрадывается в это сияние... Эта тень следует за мной еще с вечера... Она пристала ко мне еще на свалке, она шла следом за мной, когда Гарм еще не поднялся над горами

металлолома и лишь стоял у меня перед глазами, затмевая все вокруг, как все замыслы создателя... Я не могу вспомнить эту тень, но... Я сосредоточился, всматриваясь в темноту, в излученные мысли людей... Они спят... Все спят... Не спит он один... Но кто он?.. Офицер... Он высший офицер... Он чужой... И чужой не только потому, что незнакомый... Он – S9... Он – боец... И фон его мыслей ровен, холоден и спокоен... Он – офицер службы безопасности... Он – офицер DIS!

– Шлак, останься здесь.

Я вышел в коридор один и остановился у темного окна, ожидая его... И он вышел из тени – офицер в черной форме, в длинной штабной шинели... Он подошел ко мне, радушно улыбаясь и протягивая мне руку...

– Полковник Всеволод Радеев.

– Готфрид Грабен.

Он улыбнулся еще шире и приветливее – одним ртом...

– Я знаю...

Кто бы сомневался...

– Я соблюдаю правила этикета, как и все остальные правила.

– Поживем увидим...

– Что увидим?

– А, не обращайтесь внимания, это наше присловье – ни к чему не обязывающая вещица – безделица, если хотите...

– Нет, не хочу.

Офицер рассмеялся – и это настоящий смех, в нем задействованы не только рот, не только глаза, но и разум... Его разум смеется, лучась неясной мне

радостью... Я проверил, какие еще зоны мозга активны, но не нашел никакого подвоха...

– Вы мне нравитесь, Грабен. Мы с вами сработаемся...

– Я не знал, что мы с вами ведем совместные работы. И не отвечайте, что это мы увидим, когда проживем...

– Нет, что вы, до этого еще дожить надо...

Он рассмеялся еще радостнее – рассмеялся в голос...

– Вам, как я вижу, не составляет труда себя развеселить...

Он засмеялся еще звонче, и меня пробрал холодок недоумения...

– Нас все считают надгробными камнями, Грабен, а мы – такие же люди, как все...

– Нет, вы все не такие, как все мы. А вы, полковник Радеев, еще и не такой, как все вы.

– Не думали же вы, что вам пошлют “надгробный камень”... Это было бы не правильно, ведь вас все называют “гробовщиком” – не то что навязчивое прозвище у вас такое, но называют... Вот и подумайте, что у нас тогда бы получилось...

– И что получилось бы?

– Просто похороны чьи-то получились бы...

– И чьи же?..

– А ничьи – вам ведь послали меня...

– Послали чьи-то похороны предотвратить?..

– А вы проницательны... Не думайте, что я сомневался – нет... Это я так – подметил для красного словца...

– Для красного словца вы

подметили достаточно деталей – они мне предельно ясны, так что можете перестать их подмечать и украшать. Переходите прямо к делу, Радеев.

– Ах да, но сейчас не время... Дело подождет... У нас так говорят: делу время – потехе час...

– У вас, это у кого?.. У карателей?..

– Нет, нет... Просто – у нас... В народе, так сказать...

Я наклонил голову, прощаясь и пряча глаза...

Запись №6

Шлак кинулся ко мне, как только за мной затворилась дверь, и открыл мне ментальную линию, сообразив, что прошло время, когда можно было говорить вслух...

– За тобой пришли?!

– Успокойся. Пришли за мной, а ушли без меня.

– Он не ушел – этот офицер. Он ждет неподалеку.

– Я знаю, Шлак, но он ничего не

дождется.

– А что ему нужно?

– Не знаю. Он не сказал.

– Это плохо.

– Нет, хорошо. У него на меня ничего нет.

– Что-то есть, раз уж он пришел.

– Разве что подозрения... Одни подозрения... Я их не оправдаю, и он отправится прочь... Исчезнет, как явился.

– Ты так уверен?

– Я уверен, что его заинтересовало мое последнее произведение, – этот офицер с перестроенным мной мышлением. Он прибыл наблюдать за мной – и только.

– Нет, я имел в виду другое, Грабен. Ты так уверен, что его подозрения не оправдаются?

– Абсолютно. Они безосновательны. Я не нарушу закон. Я просто исполню свои служебные обязанности с душой. Я дам человеку душу, достойную вечной жизни. Я пропишу для его разума память, и о нем не забудут и после его смерти.

– Что-то мне не верится, что ты

сделаешь это, не превышая полномочий.

Я опустился в кресло, откидываясь на спинке и складывая пальцы в замок...

– Стаг расширил мои полномочия.

– Тогда мне не верится, что ты не превысишь расширенных Стагом полномочий. Ведь Вэймин у него теперь в немилости, когда с тобой он заметно мягче обходится. И Хэварт теперь получил все, чтобы перед тобой выслуживаться. Он с такой готовностью взял задаток, что и мне ясно, – он и горы своротит, чтобы получить вознаграждение. И этот

запуганный солдат с завода – твой со всеми потрохами, сведенными страхом перед тобой. У тебя открытый проход на всех этапах. И получается, что теперь тебя контролирует только твой разум, Грабен. Но вопрос в том, контролируешь ли ты его?

Я скрепил руки замком еще крепче...

– Конечно, Шлак. Я – офицер S3. Мне открыты все тайны разума.

– Чужого.

– Нельзя знать чужого разума, не зная своего.

– Знать нельзя, а судить можно. А можно судить – можно и управлять, казня или щадя. И я знаю, что чужим разумом управлять проще, чем своим. И еще я знаю, что мы всегда выбираем наиболее простой путь достижения цели. Мы, как электроны, стремимся пройти путем наименьшего сопротивления.

– Нет, Шлак, не верно. Мы разумны, и наш разум позволяет нам видеть все ответвления всех путей – видеть и выбирать по-настоящему простой путь, а не такой, который простым только кажется, – с первого взгляда.

– Всех развилок не видит никто.

– Их видят те, которые их создают.

– Что-то мне подсказывает, что скоро ты станешь таким же службистом, как Хэварт.

– Я – службист? Нет, Шлак, я выше этого.

– Тебя только заносит выше. Не зазнавайся.

– Это ты думаешь об этом, Шлак, а не я. И мне не по душе ход твоих мыслей...

Шлак задумался, но спустя

некоторое время неожиданно согласился...

– Наверное, ты прав. Я очень тщеславный... Я же не полковник, а собранный на свалке и скрепленный в страшную конструкцию шлак... Это у тебя статус высшего офицера, а у меня – отброса общества...

– Мне облегчает душу твое признание.

– А не отягощает твоя жестокая безответственность? Ты собрал меня из того, что в этом обществе считают отбросами, и дал мне разум сообразить это.

– Я как-то не подумал...

– А ты вообще не думаешь, что кто-то, кроме тебя способен страдать.

– Я же – офицер S3. Я создан изучать – идти вперед, невзирая ни на что, и вести за собой других...

– Хотят они того или нет.

– Все верно. Мне дана такая энергия, которую я контролирую только отчасти – отчасти меня тормозит инерция тех, кого я тащу за собой...

– И если они вдруг начнут

способствовать тебе, ты станешь чудовищем?

– Или чудом.

– Разницы между демоном и гением особо не прослеживается.

– Гений – для одних, демон – для других...

– Или и то, и другое для всех сразу и одновременно.

Я выпрямился в кресле, подаваясь вперед, вперяясь заученным взглядом в треснувшие линзы Шлака...

– Я делаю то, что должен. А

должен я делать то, что позволяет мне желать мое сердце, и то, что мне позволяет осознать мой разум.

Шлак вздрогнул, загремев разболтанными шурупами...

– У тебя холодное сердце, Грабен, и горячий разум. У тебя все не так, как должно быть.

– Все так, как должно быть у офицера S3, у ученого.

Я подумал и подключил последнего “пса” – мое самое чудовищное и самое прекрасное создание... Я замыслил и сделал его таким – вместилищем безмерной

красоты всеобъемлющего уродства...
В нем все — все мои грезы и кошмары, вся моя щедрость и скупость... мои мечты и страхи, милосердие и жестокость... В нем все — и свет, и тьма... Он совершенен... как я, — его создатель...

Запись №7

Как только я вышел в коридор, Радеев ждущий меня у дверей, встал с подоконника, небрежно оставив на краю чашку остывшего кофе...

— Сегодня вы не опаздываете,

Грабен! А я расположился ждать вас надолго...

Я, приветственно кивнув ему головой, прошел дальше, оставив его смотреть вслед моей свите, – моим кошмарным “псам”... Но он нагнал меня, навязчиво следуя за мной... И мне пришлось остановиться...

– Вы преследуете меня?

– Нет, что вы... Просто, следую за вами...

– Что вам от меня нужно, Радеев?

Радеев звонко рассмеялся, запрокинув голову и зажмурив

глаза...

– Мне нужны вы, Грабен!

Я подошел к нему вплотную, смотря прямо ему в глаза тем безмолвным и замершим взглядом, которым могут смотреть только офицеры S3...

– Я отвечу на ваши вопросы, если вы пришли задать их.

– О, я как раз за этим и пришел... У меня много вопросов... Но не все сразу... Просто мне нужны правдивые ответы... А правдой отвечают не сразу...

– У меня мало времени, так что я отвечу вам сразу.

Радеев не стал спорить и растянул тонкие губы чуть не до ушей в омерзительной усмешке...

– А вы не думали, что вы не бог, а – дьявол?

– Нет, не думал. Задавайте следующий вопрос.

– А следующий потом... Когда вы подумаете...

Он жестом предложил мне идти вперед...

– Вы не сможете пройти со мной дальше. Посторонним в этот сектор входить запрещено.

– А я не посторонний, Грабен... Я – ваша тень!

Я сдержанно кивнул, промолчав, и пошел дальше, ведя за собой свою тень...

Запись №8

Радеев, видимо, забыл, что собирался вывести меня из себя. Он

оказался на редкость любопытен, и проявил живой интерес не только к моим “псам”, но и к моим подчиненным, и к нашим повседневным обязанностям, и к научным изысканиям – просто ко всему... Он расположился в кресле Лея, вызванного Стагом для беседы, и мешает нам, не ведая пощады... Радеев, словно прочитал мои мысли и поднялся с кресла – подошел ко мне со спины и склонился над моим плечом...

– Я никогда не видел ваших потаенных чертогов, в которых вы даете людям души... Вы предоставили мне такую

возможность... В благодарность я предоставляю вам возможность осмотреться и в наших чертогах...

– В которых вы у людей души отбираете...

– Ну зачем же так грубо, Грабен?

– Правда только кажется жесткой, пока на нее не упадешь. На ложь, только кажущуюся мягкой, приятно смотреть, но не падать, Радеев.

– Как же вы мне нравитесь, Грабен! Вы зрите в корень! Стремитесь распознать самую суть вещей! Прямо, как мы!

– Только я делаю это не на допросах и без применения жесткого устрашения.

– Вы умеете и выпытывать, и устрашать, Грабен... И нам есть, чему у вас поучиться...

– Я не нуждаюсь в неприкрытой лести, прекратите это, Радеев.

– О нет, это очень даже прикрытая и пристойная похвала... Лесть – это ложь, это подделка под правду... Я не осмелюсь лгать такому проницательному человеку, как вы...

– Достаточно, Радеев. Мне нужно работать, не отвлекайте меня.

– Да, конечно. Не хотел вам помешать.

Он отошел, но я продолжил смотреть в монитор, не видя отображенных на нем кодовых обозначений, – только рассеянный свет экрана заполняет все поле моего зрения... Я развернулся к Радееву, прожигаящему мне спину прищуренными глазами...

– Так вас интересует моя деятельность?

– Все виды вашей деятельности и бездеятельности, Грабен...

– Полагаю, вам известно, что

прежде я был биопрограммистом...

– Да, конечно, я знаю... Мне известно, что вы были и биопрограммистом, и технопрограммистом – еще до этого...

– Все верно, я не сразу занялся генной инженерией... Но наиболее длительный период занимался строением ДНК человека. Думаю, вам будет интересно коснуться и этого аспекта моей деятельности – коснуться рукой без перчатки...

– Крайне интересно, полковник...

– Я могу показать вам записи

кодовых построений...

– Я опасаясь, что не смогу прочесть их, не отвлекая вас от неотложных дел... Я подожду...

– Не стоит терять время... Думаю, вам следует ознакомиться с этим процессом – ознакомиться, глядя ему прямо в глаза...

– Я бы взглянул, хоть краем глаза...

– Пойдемте, я провожу вас... Полковник Вэймин, без сомнений, введет вас в курс дел.

– А он не откажет – вашему

гостью?..

– Нет, если вы – попросите...

Радеев подмигнул мне с некоторым злорадным пониманием...

– Конечно, я могу и попросить... Если я попрошу, мне никто не откажет...

Я свернул монитор и проводил Радеева, улыбающегося теперь не мне, а Вэймину... Я оставил их и вернулся, вспоминая мрачное лицо Вэймина, встретившего в коридоре этого веселого офицера, вкрадчиво уговаривающего его ускользающими

угрозами... Вэймин сильно сдал за последнее время, устав и осунувшись... А вчерашний выговор Стага просто подорвал его – отчаянного службиста... Я не настолько ненавижу его, чтобы мучить его утомленный разум и отягощать его сумрачные мысли обществом этого назойливого офицера – я никого не ненавижу настолько... Но мне нужно было от него избавиться – хотя бы на время... Конечно, теперь он будет лезть с расспросами к Вэймину, и Вэймин может допустить из-за него очередную оплошность... Но что же, я готов все исправить... даже затратой нужного мне позарез

времени. Конечно, Стаг накажет его в случае оплошности... Но что же, я готов заступиться за него... даже если это будет стоить мне признательности Стага за выполненное мной вчера задание. Мне нужно теперь только — избавиться от этого офицера... хоть на время.

Я всмотрелся в код низшей памяти, прописанный Вэймином на высоком уровне... И в голове пронеслись подходящие этому человеку коды высшей памяти — великой высшей памяти... Но что-то оборвало поток кодов, оторвало меня от размышлений... Это хмурающийся

Хэварт выдернул меня из задумчивости, указывая мне на Радеева, застывшего в дверях с неестественно смущенным видом и виновато разводящего руки... Я поднялся ему навстречу, подходя...

– Что случилось, Радеев?..

– Со мной все в порядке.

– С вами уж точно, а с...

Я остановился, когда Радеев опять подмигнул мне насмешливым глазом... К сожалению, Хэварт не дал мне вчитаться в мысли этого коварного офицера... Он кинулся ко мне, когда все вскочили с мест...

когда изможденный невзгодами
высокого звания Стаг влетел в зал, не
смотря под ноги... Мои подчиненные
привыкли к моим “собакам” – они
всегда смотрят под ноги, но Стаг – он
не привык... Сердце обмерло не у
меня одного, когда мои “собаки”
ринулись от него прочь, прячась по
щелям... Он не споткнулся о них,
пулями разлетевшихся от него, –
будто очередь из древнего
огнестрельного автоматического
оружия... Но Гарм остался стоять на
месте – в стойке, с гордо поднятой
головой, сияя хромированным рогом,
направленным прямо на моего
начальника. Шлак не справился с
управлением, не задвинул этого

“пса” под стол, и Стаг отпрянул к стене при его виде, хватаясь за кобуру на ремне... Я встал перед начальником, пытаюсь отгородить от него “пса”, но он отстранил меня, всматриваясь в эту благородную конструкцию...

– Готфрид! Что это такое?!

– Это мой “пес”, командир. Последний “пес”. Он еще не отрегулирован.

– Это ужасное создание опасно! Отключите его, пока не настроите!

– Да, командир. Хэварт, возьмите его за ошейник, отведите во второй

отсек и перекройте выходы.

Стаг не стал проверять Хэварта, утащившего пса с глаз долой, но не так далеко, а повернулся к офицеру S9, рассмеявшемуся ему в спину...

– Готфрид, а это что такое?!

– Это... Это – полковник Всеволод Радеев...

– Я вижу, что полковник! Что он здесь делает?!

– Следит...

– Я вижу, что он здесь оставил следы! Исправьте ситуацию!

– Пропуски полковника Радеева в полном порядке, командир.

– Скройте с моих глаз и это ужасное создание! Сейчас же!

– Хэварт...

Хэварт с незаметной настороженностью подошел к смеющемуся офицеру, предлагая ему отойти и умолкнуть, но Радеев не послушался и не притих, проявляя редкое нахальство... Стаг свел на нем сканирующий взгляд, не предвещающий пощады...

– Чей приказ вы исполняете?!

Радеев перестал смеяться, наставляя на Стага прямой взгляд, не знающий стыда...

– Тишинский... Я здесь по его приказу...

Сигертр Стаг пришел в негодование, невидимое незнакомым с ним людям за выставленной напоказ холодной сдержанностью...

– Убирайтесь отсюда с вашими бесстыжими выходками, Радеев!

– Я не могу убраться без указаний моего командира, генерал...

– Здесь указываю я!

— Здесь вы можете указать на выход только своим людям, генерал...

Шлак выполз из-под стола посмотреть, но я показал ему место... Отступил подальше и Хэварт... Только Радеев здесь не знает, что позволяет Стагу проявлять его холодный разум, не ведающий страха, не взирающий на последствия, а видящий только цель, достигаемую без долгих дум над средствами достижения...

— Тишинский возглавляет вашу службу в Хантэрхайме!

— И я веду дела Хантэрхайма,

генерал...

– Здесь – не Хантэрхайм!

– Полагаю, вы человек осведомленный, генерал Стаг...

– Мне известно, что негласно всей вашей службой управляет Тишинский, но официально – он возглавляет вашу службу только в Хантэрхайме!

– Не стоит оглашать такой открытой правды, генерал...

– Здесь – здание, отданное служению науке, познанию истины, Радеев! Здесь не терпят скрытой

лжи! Тишинский – тень Снегова! Но он – только тень верховного главнокомандующего! На свету вашу службу возглавляет Верштект! Предоставьте мне его распоряжение! Или вспоминайте, где выход! Не найдете, ссылаясь на скверную память, – я вышвырну вас! Я не поверю, что у вас скверная память, Радеев!

– Допуск мне дал ваш главком, генерал...

– Мне безразлично, что он дал вам допуск, следуя распоряжениям Тишинского! Этот допуск не действителен!

– Я вынужден остеречь вас, генерал Стаг... Поступая так, вы показываете нам намерение послать наше дружеское расположение к черту...

Стаг схватил офицера за ворот шинели, не отпуская его, несмотря на осторожные попытки Радеева освободиться...

– При необходимости я покажу вам намерение послать к черту всех вас вместе с вашим дружеским враньем!

– Может, мы и не чуждаемся дружеского обмана, но друзьям это можно и простить... Даже нужно

простить, генерал... Друзья же делают это только из добрых побуждений...

– Для меня не имеет значения – друзья вы или враги! Вы отрываете моих людей от неотложных дел!

– Да, конечно, ваше дело превыше всего... Но войдите и в мое положение – я ведь тоже при деле...

– Какое бы дело вы ни вели – вы не справились! Вы попались мне под руку с неисправными документами! Теперь вы пойдете со мной!

Стаг передал посерьезневшего
Радеева своему “спутнику” и

перестал о нем думать, снова переключившись на меня...

– Готфрид! Вэймин сегодня работать не сможет! Вы за него!

– Вэймин отстранен?

– Вы за него! У нас нет времени! Вы будете работать за обоих! И без обсуждений, Готфрид! Это приказ!

Стаг погрузился в свои мысли, развернулся и ушел – он всегда удаляется еще стремительнее, чем появляется... Я отстранил Хэварта, объятого тщеславным торжеством, и... Я не свожу глаз с офицера S9, смеющегося мне в глаза, несмотря на

то, что “спутник” Стага намертво перехватил его руку в плече...

– Радеев, что вы сделали?

– Я?.. Нет, ничего... Это вы... Вы же вознамерились предоставить мне возможность вникнуть в ваши дела – в давно заброшенные вами дела...

– Вэймин... Он должен был ввести вас в курс дел...

– Но он такой нервный... Он не справился со мной – неучем и невеждой... Я надеюсь, что ваши нервы крепче, и вы объясните мне на наглядном примере, как вы видите в этих кодах – людей... как вы пишете

ЭТИ КОДЫ – ЛЮДЕЙ...

Я стал думать, как выставить этого наглеца отсюда... Стаг для него время и место подыщет не сразу... и, думаю, не скоро... А этот офицер... Он начинает напоминать мне худшие мои кошмары...

Я еще не решил, куда его дену, когда Хэварт снова кинулся ко мне... и все снова вскочили на ноги... и Стаг, озабоченный сегодня, как никогда, снова ворвался к нам... За его спиной показался сосланный мной Лей...

– Готфрид! Капитан Лей останется здесь! Сегодня вам без

него не обойтись! А вы, полковник Радеев! Вы последуете за мной! И приготовьте объяснения, что вы делаете здесь, – в первом блоке первого научного управления Шаттенберга! Такие объяснения, которым мне не придется верить или не верить! Действительные, а не кажущиеся объяснения!

Радеев посмотрел на Стага с наигранным удивлением и, еще раз подмигнув мне, поспешил нагнать генерала... Но Стаг – похоже, изрядно нервированный – вернулся снова...

– Готфрид! Уберите с рабочего

места этих “собак”! Здесь не место посторонним объектам! Ни людям, ни машинам!

– Генерал, эти машины – мои помощники. Они понадобятся мне.

– А этот офицер?! Он тоже ваш – помощник?!

– Нет, генерал. Никак нет.

– Я терплю ваши уродливые железки, но предупреждаю вас, что такого офицера я у вас не потерплю!

Стаг кивнул головой, снова выходя и снова увлекая за собой полковника службы безопасности... Сигертр

Стаг никогда не поддерживал дружеского контакта со службой безопасности, чуждаясь даже банальной вежливости... Радееву от него достанется, кто бы его ни прикрывал... Стаг непрактично принципиален. У меня даже появилась надежда, что впредь я Радеева никогда не увижу – его усмешку теперь я не увижу уж точно... От вседозволенности начинает кружиться голова...

– Грабен, не обнадеживайся – он вернется. Кто-то же должен за тобой присмотреть.

Я не опустил глаз на Шлака,

смотрящего на меня снизу вверх, задрал зубастую голову...

– Из хватки Стага ему не вырваться.

– Он вывернется. А если его не пустят – тайком прокрадется.

– Если его пропуска окажутся недействительными для Стага и он проберется тайком – я его просто выставлю.

Шлак замер, склоняя голову, отяжелевшую от мыслей...

– Офицера S9? Офицера DIS? Нет, не думаю. Он так просто от тебя не

отстанет. Он охранник порядка, а ты собираешься этот порядок нарушить.

– Что у тебя за мысли, Шлак? Я не нарушу порядка.

– Что-то мне не верится. Ты же такое дело замыслил.

– Я не выйду за пределы закона... Я только исполню приказы Стага, исправлю недочеты Вэймина...

– Может, это и будет выглядеть так, как требует закон, но на деле – это будет незаконно. Ты же это все замышляешь – специально.

– Закон действует только на то,

что ему видно, Шлак.

– Но твои мысли – они видны ему. Этот офицер прочтет их – он присмотрится к твоему фону и прочтет в нем твою оперативную память. Он все узнает.

– Конечно, офицеры безопасности обучены читать чужие излученные мысли... Но нейропрограммисты умеют мыслить молча...

– Ты не сможешь скрыть от него этих размышлений.

– Смогу и скрою. Жесткую память он не прочтет – у него нет права на нарушение такого запрета. И в мою

закрытую кодом оперативную память этот офицер никогда не заглянет, он не декодирует моих данных, если я не дам ему ключа к коду, – это слишком сложно даже для нас. Он соберет в моем фоне одни обрывки, дающие только общее понятие о моих замыслах, – это не даст ему точных данных.

– Он увидит, какие зоны разума задействованы. Он проследит, какие связи памяти подключены.

– Эти данные не докажут моей вины, они не будут свидетельствовать против меня – их будет недостаточно, Шлак. И я буду действовать так, как

сочту нужным, невзирая на его нападки. Мой разум открыт и подчинен мне. И это закрывает мой разум от таких, как он, Шлак, и не позволяет таким, как он, управлять моим разумом. Такой разум я дам и ему – человеку, в которого вложу душу – всю свою душу... Он будет свободен мыслить и действовать – всегда и везде... и в законе, и в беззаконии...

–   Существование   –   это ограничение свободы, Грабен. Ты не сделаешь совсем свободного человека, не зависящего от условий, диктуемых ему его существованием. В обществе или в одиночестве, в

порядке или в хаосе – везде есть условия. Не соблюдая их, твой совершенный человек – погибнет.

– Он будет жить вечно, Шлак.

– Вы все живете вечно, но вас всех все равно что-то да убивает.

– Он будет жить вечно.

– Тогда он должен быть вообще не живым – ведь все живое, даже если долговечно, не вечно.

– Ты не понимаешь, Шлак... Он всегда будет стоять на грани жизни и смерти, порядка и хаоса... И он никогда не переступит этой грани...

И эта грань доведет его до безвременной бесконечности, и он — дойдет до вечности... Он будет — совершенен...

— Из такого человека не выйдет совершенства. Он будет кем-то средним, стоящим на середине всего остального.

— Как раз из такого и выйдет, Шлак... И он не будет средним, стоящим на середине... Он будет стоять один, в центре всего... Он не будет среди всего — он будет всем...

— Какое-то несовершенное совершенство у тебя из головы рвется, Грабен.

– В этом все и дело, Шлак... Не идеально все, что мы считаем идеальным... Это идеально только для нас, не для всего... Наши идеалы не целые – они разрознены, разделены нами на части... Мы исключаем из них части, составляющие их совершенство...

– Грабен, а что, если так и должно быть? То есть, что, если не должно быть такого совершенства? Такого несовершенного совершенства?

– Должно быть все, что будет.

– Так мыслили ученые, погубившие нашу планету.

– Так мыслили и ученые, поднявшие ее из руин.

– И сызнава погребаящие ее в руинах. Не перепутай свой взлет с падением.

– Главное – это полет.

– Да, для тех, кто наверху, нет закона. Но его нет и для тех, кто внизу.

Я отключил ментальную линию, не слушая Шлака... Из-под моих рук летят коды жизни, с готовностью перехватываемые Хэвартом, сияющим гордостью с каждым подъемом моей мысли, и

переходящие к Лею, темнеющему
лицом с каждым взлетом моей
руки... Я дам ему могущество –
этому офицеру S9,
предназначенному армии
Хантэрхайма... И я дам ему имя
Фридрих... Фридрих Айнер – мой
первый настоящий человек...

Запись №9

Лей вздрогнул, смотря на коды
готового генома... А Хэварт с
нескрываемой надменностью
развернул перед ним карту

законченной высшей памяти...

– Вы только посмотрите, Лей... Он сложнее прежних... Наш разум прежде не являл миру такого непростого человека... Теперь у нас появился повод для оправданной гордости...

– Непростой, Хэварт? Он определенно преступник...

– Нет, Лей, он не станет преступником...

– Потому, что он станет и преступником, и порядочным офицером одновременно... Но это невозможно – в действительности...

Он будет просто нестабилен...

Я повернулся к Лею, отрываясь от последних поправок...

– Он будет стабилен – на грани. Он ступит на нее сразу после подключения и не сойдет с нее.

– Полковник, мне остается только взывать к вашей ответственности...

– Я отвечаю за него головой. Этого вам достаточно, Лей? Или вы предоставите Стагу отчет подробнее моего?

– Нет, полковник, я не сделаю этого. Но я считаю своим долгом

предупредить вас, полковник, и вас, капитан Хэварт, что я не возьму ответственности за этого человека.

— Вы должны подписать документы, Лей.

— Нет, полковник. Я не поставлю подпись.

Лей еще ждет, что я передумаю, смотря мне в глаза... А Хэварт, равнодушно поднявший бровь, уже ставит подпись... Я отвернулся от Лея, всматриваясь в развернутые экраны...

— Мы справимся и без вас, Лей. Вы свободны. Идите.

Лей положил руку на плечо, развернулся и вышел... Как только дверь закрылась за ним, я услышал знакомый смех, склонившегося над моим плечом Радеева...

– Мне, видимо, не суждено увидеть весь процесс! Этот ваш Стаг – генерал с замашками главкома! На меня и ваш главком так не замахивался!

– Наш главком, Радеев? Вы здесь, и правда, с позволения нашего главкома?

– Не разочаровывайте меня... Не мог же я пренебречь его позволением... Даже нам для

получения пропуска к вам нужен его прямой приказ... Да и без его поддержки мне было бы не вырваться от вашего заносчивого генерала... Но это не важно. Сейчас важен только этот человек – только эти коды, которые скоро станут человеком...

– Вы правы, Радеев. Скоро разум этого человека обретет знания – высшую память, коды которой мы передадим заводской технике прямо сейчас.

– Такой ответственный момент – я рад, что застал его... Но я все равно огорчен, что пропустил начало... хотя бы к концу я не опоздал... Я

стану свидетелем действительно выдающегося события...

– Мы каждый день пишем коды сотен человек, каждый день подключаем к жизни сотни людей...

– Прошедших контроль...

– Конечно, тщательно проверенных на каждом уровне контроля людей.

– А этот человек? Ему не оказано некоторого снисхождения?

– Стаг поставил подпись.

– Не считите за недоверие... Нет, я

только проявляю заботу – скажем, дружеское беспокойство, ведь ваш генерал... Он же так занят, что ему не достает времени для внимательного изучения документации, нуждающейся в его подписи. А сейчас, а сегодня... Я отнял у него столько времени... Я и вовсе не оставил ему возможности уделить внимание содержанию отчетного документа, подписанного им при мне... в моем присутствии...

Я резко обернулся к нему, заноса руку над панелью управления, но не отменил задачу, не опустил руки, замершей в воздухе... Радеев крепко сжал мою руку, отводя от панели

управления, и я поднял на него глаза, впервые видя его истинное лицо — его холодные глаза, не осматривающие снаружи, а смотрящие внутрь... Радеев переменял эту холодность, дав мне вдоволь на нее насмотреться, на видимую веселость...

— Задача запущена... Сейчас ваши замыслы приведут в исполнение... Позвольте мне отправиться на завод с вами...

— Вы не спуститесь на подземный завод с нами, Радеев.

— А кто мне запретит? А кто мне не позволит? Покажите мне, я его —

попрошу, и он – согласится...

– Зачем вы спрашиваете у меня разрешения пройти на завод, если ставите меня перед фактом вашего присутствия на заводе?

– Ну я же надеялся на другой ответ... Я надеялся, что вы не пренебрежете правилами приличия... Но мои надежды не оправдались... И теперь оправдываться придется вам...

– Не надейтесь и на это. Жаль, но я вынужден вас огорчить – все ваши возлагаемые на меня надежды такого рода напрасны.

– О нет... Ваши выводы поспешны... У вас еще нет убедительных доводов... Просто, вы еще не знаете всех моих надежд и ожиданий, связанных с вами... А я вам не скажу – знаете же, что мечта не сбудется, если о ней рассказать заранее...

Запись №10

Я подозревал Шлака, как только мы вышли из первого блока научного управления.

– Шлак, сделай все, чтобы Радеев до активации этого офицера в этот блок ни ногой не ступил.

– А как я могу сделать это, Грабен?

– Отвлеки его... Укуси, к примеру, – я разрешаю...

– Я не стану его кусать – он меня на свалку отправит.

– Никуда он тебя не отправит, Шлак. Я за тебя постою.

– Нет, Грабен. Во-первых, он со мной всегда здороваётся, а во-вторых, – он и не подумает заходить в

блок активации до того, как этот офицер откроет глаза. Ты разве еще не понял, что он – провокатор, который всеми силами устраняет у тебя с пути всех, кто не позволяет тебе сходить с ума и творить страшные вещи?

– Я знаю, что он – провокатор, Шлак. Перед ним, как и передо мной, стоит своя задача, которую он исполняет, не гнушаясь беспринципностью. Он старается довести меня до предела, перейдя который я предоставлю ему доказательства, свидетельствующие против меня неоспоримо. А я этот предел переходить не намереваюсь и

не собираюсь давать ему даже ерундовых зацепок.

– Он не такой дурак, чтобы считать тебя дураком. Он прекрасно понимает, что ты не проколешься, как бы он тебе нервы ни трепал, и не провалишь своего плана, как бы он тебя к провалу ни толкал. Ты нарушаешь правила, но так, что к тебе не придерешься. И с этим Радееву ничего не поделать.

– Думаешь, он понимает, что у него не выйдет подловить меня? Тогда что он здесь, по твоему мнению, делает?

– Не знаю, Грабен. У меня дальше

мысли никак не идут.

– И у меня, пока еще, мысли дальше не идут... Но рано или поздно у него сдадут нервы, и он выдаст себя...

– Грабен, ты еще коварнее этого Радеева.

– Возможно, Шлак. Я могу обойтись и без этой беспрестанной смены лиц, и без этой бесконечной лжи...

– Здесь я с тобой не соглашусь, Грабен. Ты лжешь, как он, но – молчанием, а не словами.

– Все верно, иногда простое молчание результативнее изысканной лжи.

– Ты обманываешь других, обманывая – себе. И лица ты меняешь не снаружи, а – внутри. Поэтому, никто не может этого обмана обнаружить.

– И это верно.

– И ты сам не можешь отличить этого вранья от правды. Ты обманываешь всех так убедительно, что сам убеждаешься в этом обмане, как в истине.

– Нет, Шлак, с собой я честен.

– Тогда ты – жесточайший человек на свете.

– Откуда такой вывод?!

– Оттуда – из головы, Грабен. Я знаю, что ты не дурак. И я не могу свалить все на твою несообразительность. И ты утверждаешь, что не обманут другими или собой. Из этого я делаю вывод, что ты поступаешь осмысленно. А из этого я делаю вывод, что ты просто – жесток, как никто другой!

– Глупый ты “щенок”!

– Просто, ты несешь нелегкую

ответственность! И когда ты свалишь ее со своих плеч, – она сомнет сотни людей, тысячи. Твоя ответственность упадет с тебя, как бомба, брошенная с тяжелого бомбардировщика, Грабен.

– Сейчас ты убедишься, что это не так, что, совершив это великое деяние, я подниму груз, давящий всех нас.

Шлак скрипнул веком, резко закрывшим его треснутый глаз...

– У меня из-за тебя нервные тики начались. Надеюсь, Радеев этого не заметит.

Радеев, оставленный мной на Хэварта, отстал, задержанный моим верным капитаном, но нагнал меня, как только Шлак прервал передачу...

– Хэварт рассказал мне про ваших кошмарных “собак”, которые меня крайне интересуют... И у меня появились вопросы...

– Ко мне или к ним?

– Пока еще к ним... Вернее, к вашему Шлаку, ведь он один обладает уникальным разумом машины, подобной человеку... Позвольте мне украсть его у вас на несколько минут...

– На кражу позволения не просят, Радеев.

– Ну вы уж не поскупитесь на слова, очистите мою совесть согласием передать его в мое распоряжение... Тогда мне не придется похищать его тайком, причиняя вам излишние хлопоты, – ведь разбираться с похищениями такая морока...

– В этом я вам верю – в этом деле у вас, определенно, опыт серьезнее моего, Радеев.

– Ваша проницательность заслуживает уважения... Видите, я снова вошел в ваше положение –

войдите и вы, наконец, в мое...

– Договорились, Радеев. Как вы говорите, – делу время потехе час. Так берите на потеху моего “щенка”, пока я буду заниматься делом.

Радеев улыбнулся, заглядывая мне в лицо, но эта улыбка получилась у него излишне хищной.

– Боюсь, вы наше присловье употребили не в обычном его смысле – неверно, так скажем...

– А вы не бойтесь, Радеев.

Он остался стоять у меня за спиной, сконфужено разводя руки...

Шлак, стоящий у его ног задрал голову, еще раз скрипнул подергивающимся веком... А я отослал Хэварта к капитану с заводского контроля – пусть разбираются, долго и усердно проверяя все тонкости, пока техника работает неисправно... А меня ждет этот бестолковый солдат, готовый сделать все, что я ему скажу... Единственное, что беспокоит меня, – сможет он сделать то, что мне нужно, или нет... Я не потребую от него ничего сложного для нормально функционирующего человека, но он – поврежден и может не справиться...

– Воробьев, подойди. Встань здесь

и подними глаза.

– Да, полковник...

Я всмотрелся в его фон, он – почти пуст, почти чист... Мысли этого солдата крайне скудны...

– Ты умеешь составлять мысленные отчеты?

Солдат замялся...

– Не очень...

– Записываешь лишнее мысли?

– Нет, наоборот... Но я научусь...

– Не волнуйся, все в порядке. Я научу тебя. Позже. А сейчас забудь об этом.

– Забывать мне легко, полковник, а запоминать...

– Я научу тебя помнить. Но позже. А сейчас меня ждет офицер Хантэрхайма. Принимайся за настройки – пора его разбудить.

Солдат не только успокоился, но и обрадовался. Это точно выбьет из его дырявой головы все мысли и не оставит в его разуме четкой памяти... Он не способен стереть отчетную память ошейника, не способен и подчинить память,

направляемую в отчет... Но он не оставит начальству ненужные мне воспоминания. С командиром он поделится разве что мечтами, заплонившими его слабый ум. Можно считать, что я здесь один — один с этим еще неживым человеком, офицером S9... И сейчас я посмотрю в глаза этому человеку, которому суждено мной перевернуть этот мир...

— Загрузка.

— Есть загрузка.

— Готовность.

— Есть готовность.

– Активация.

– Есть активация.

Запись №11

Я с напряжением всмотрелся в открытые глаза офицера, устремленные еще в пустоту...

– С пробуждением вас, Айнер.

Офицер наставил на меня светлые глаза, как оружие...

— Обойдемся и без этого,
ПОЛКОВНИК.

— Называйте меня Готфрид
Грабен.

— Мне не придется вас так
называть. Мне вообще вас никак
называть не придется. Я должен идти
и не думаю, что мы с вами еще
встретимся. Меня ждет вечная война,
а вас... Черт... Я не знаю, что вас
ждет.

Нет, это не тот взгляд, не тот
ответ, которого я ждал... Похоже,
что-то пошло не так, как я
планировал... Его ответ звучит
неожиданно и — даже угрожающе...

– Что вы имеете в виду, Айнер?

– То, что не знаю, что вас ждет.

– Не знаете, что делают
нейропрограммисты высшего
офицерского состава?

– В общем – знаю. А вот, что
делаете конкретно, вы – понятия не
имею.

– То же, что и остальные.

– Что-то не похоже. Вернее, вы –
не похожи.

– А на кого же я тогда похож,
Айнер?

– На черта. Не на того, кто из хромых и косых шутников. На главного и серьезного – того, кто не хромает и не косит, а заставляет хромать на ногу и кривить глазом других чертей.

– Вы считаете, что эта ваша гипотеза основательна, Айнер?

Он указал мне прищуренным глазом на свору “собак”, брошенных Шлаком и разбредшихся вокруг меня...

– У вас в подчинении полно “чертей” – и все они – хромые и косые.

– А вы прежде, чем начать надо мной насмехаться, не подумали, что вашу память мог прописать именно я?

– Насмехаюсь над вами не я, а вы – насмехаетесь над собой правдой, которую я вам просто констатирую. И вообще... Может, вы один выставили из головы на всеобщее обозрение целый отряд злых шуток в образе “собак”, но в голову такие шутки забредают – не вам одному. И не у вас одного они в темницах головы долго не томятся.

Я замолчал, размышляя, а он сошел с вертикальной установки и

встал перед растерянным солдатом...

– Ты что стоишь, когда время идет?!

– Я...

Айнер не дождался даже ответа – он вырвал у Воробьева из рук приготовленное для него обмундирование... Нет, я ждал не такого... Нет, не такого...

– Стойте, Айнер. Вам рано идти.

– Через час я должен вступить в должность – это мой долг. И времени мне хватит – только долететь до Хантэрхайма.

Я свел на офицере сканирующий взгляд, вчитываясь в его мысли... Они открыты мне, но — непроницаемы для меня, подобно ночному мраку... Именно так мы смотрим во мглу — смотрим на все, но не различаем ничего... Мой разум не может прочесть его мыслей, как глаза не могут видеть в темноте... Моему разуму нужно время, как и глазам, всматривающимся в ночь...

— Стойте, Айнер. Я вынужден вас задержать. Мне нужно провести некоторые тесты.

— Проводите. Я вам для этого не понадоблюсь. Я в ваших тестах

ничего не смыслю.

Нет, я не понимаю его мыслей. Возможно его мысли – не непроницаемый мрак, а ослепительный свет – смотря на него, нужно не открывать, а прикрывать глаза... Да, нужно проверить такой взгляд... Только мне и после этой пробы ничего не стало ясно... Я планировал его ровно мыслящим, равно распределяющим и свет, и тьму... А получился он... Нет, я не понимаю... Он с пугающей скоростью перестраивает мысли, перенаправляя их на непроходимые для меня пути, просто, постоянно... Это не размеренный ход мыслей,

рассчитанный мной, – это похоже на перепады напряжения в электросети... Да, это скачки, незаметные сразу только из-за скорости... из-за частоты... С этим открытием в мое сознание закралась мысль, что я, решая одну загадку, только создал – другую...

– Стойте, Айнер! Вы не имеете права уйти, прежде чем я отпущу вас.

– Я возьму это право у вас, как взял эту шинель у солдата, не сообразившего, что у меня нет времени ждать ваших действий, – у меня есть время только действовать!

– Вам не позволят действовать

таким образом, Айнер.

– Позволят, никуда не денутся. Никто никуда не денется от данности. А мои действия – данность.

Лей Мао... Он встал в дверях, и на его серьезном лице отразилась гордость за его правоту, не осмысленную нами...

– Он не стабилен, полковник.

– Он стабилен, Лей... Просто, не так, как мы...

– Я должен доложить генералу Стагу, полковник. Я обязан...

– Собрались – докладывайте.

– Я пришел предупредить вас,
полковник.

– Поздно предупреждать, Лей.

– Я пришел сообщить вам, что это
еще можете сделать вы.

– Я не сделаю этого. Я не сдам его
Стагу, пока не разберусь с ним...

– С ним все ясно, полковник.

– С ним не ясно ничего, Лей... Он
точно такой, какой должен быть, но
только – с точностью наоборот...

– Я не понимаю, полковник...

– Его мысли не стоят спокойно на границе света и тьмы, а скачут через рубежи крайностей со сногсшибательной скоростью... с такой скоростью, что пересечение границ не определимо для нас и не поддается нашему пониманию... с такой скоростью, что при расчете никаких пересечений границ просто нет...

– Тогда получается, что это офицер способен сломать границы пространства и времени... И он, рано или поздно, сделает это...

Я собирался возразить, что этот

стремительному созданию прямо в лицо, хватая офицера за плечи и настойчиво удерживая его уже у выхода... Айнер не стал ждать, срывая его руки с плеч...

– А вы здесь что делаете? Вам вход воспрещен.

– Неужто и вы хотите видеть мои документы?.. Обычно их проверкой занимаюсь я...

– Вот и занимайтесь – с этим офицером S3. Он здесь распоряжается. А мне пора идти, не задерживайте меня.

– Но я так привык всех

задерживать... А вы должны знать, что от привычек отказаться не так просто... не так сразу...

– Это только в случае нехватки воли, недостаток которой в крайнем случае вам система компенсирует – волей чужой. Хоть – моей. Поделюсь с вами, как с нуждающимся, – мне не жалко, я не жадный. Так что отойдите и пропустите меня наконец.

Радеев покривился, стараясь сделать это незаметно, но его кривая усмешка не замедлила отразиться на лице Айнера...

– Айнер, ваша щедрость

настойчива – она напоминает о некой опасности с вашей стороны...

– Чужая щедрость всегда для кого-то опасна – для скряг, утаивающих свою щедрость от других и оставляющих – только для себя. Так что вам всем я советую опасаться моей щедрости.

– Не собираетесь же вы зайти дальше, чем мы?..

– Я уже – зашел.

– Я надеюсь, что вы еще просто не знаете, как опасно разрушать наши, пусть не далеко идущие, но тщательно построенные, планы

такими резкими нападками правды... Для вас опасно – ведь ваша правда не защищена так, как наша...

– Ложь не надежная защита – лишь дымовая завеса.

– Если вы не научитесь защищаться, как мы, защищать вас придется нам – и не дымовой завесой, а крепкими стенами...

– У вас выходит, что не я нуждаюсь в вашей защите, а вы – в моей.

– Это как же у вас так вышло?

– Так, что от меня собираетесь

защищаться вы, а не я – от вас. Так, что угрозой перед вами стою я, а не вы – передо мной. А я сделан не обижать беззащитных передо мной, а – оберегать.

– От себя?..

– От себя и таких, как я.

– Так все дело в том, что таких, как вы, у нас больше нет... Нет и не будет...

– Значит, буду защищать вас только от себя одного – мне же легче будет. Да и вам – лучше с одним таким дело иметь.

Айнер достаточно жестко отстранил офицера, но Радеев снова встал у него на пути...

– Я никак не пойму... Вы это серьезно или?..

– Непонятливый вы, полковник. Видно, вы задаете направление с расчетом, что с вашей задачей кто-то не справится – еще до вас. Вы теряете управление, как только кто-то выходит на ваш маршрут, не ползя у вас в хвосте.

Радеев старается разозлить Айнера всеми силами, но злиться начинают они оба... Два боевых офицера вошли в противоречие, не

решаемое для них словами, и я послал Шлака за Хэвартом... Нет, Хэварт должен сдерживать не этих офицеров S9 – ему я поручу Лея, слишком внимательно наблюдающего происходящее, но еще не вмешивающегося...

Полковник DIS быстро обернулся, всем видом вызывая меня оказать воздействие на Айнера, но Айнер бросил мне в лицо взгляд, отменяющий все действия. Я нашел только один выход из положения, и подтвердил Хэварту коротким кивком головы такую же короткую расправу над обоими. Хэварт выхватил шприцы из разверстой

пасти Шлака и всадил в плечи обоим офицерам, готовым схватиться, похоже, насмерть... И Лей подхватил их обоих...

Оставив офицеров S9 простертыми на полу, мы втроем сели на трехступенчатой лестнице загрузочной установки...

– Мы обязаны отчетом Стагу, полковник...

Я поднял руку, прерывая Лея...

– Нет, полковник, нам следует промолчать...

Я поднял вторую руку, пресекая и

Хэварта... Но обдумать ситуацию мне не дал Шлак, подковылявший ко мне со скрежетом и лязгом...

– Грабен, мой брат не только тебе заехал кулаком в мозги. У нас всех теперь будут проблемы. И что нам делать?

– Я не знаю, Шлак...

– Ты нас всех впутал, ты – и выпутывай. Только не тяни эти спутанные нитки сильнее, а то узелки крепче завяжутся.

– Я сам запутался в этих нитках, Шлак...

– Тогда не дергайся, а то затянешь петлю на своей шее – и нас всех передушишь.

– Не дергаться?.. Глупый “щенок”!

– Это все, на что у тебя достало сообразительности?

– Пока все.

– Ты деградируешь, Грабен.

– Разбуди Радеева.

– Ты их этой дрянью вырубил. Теперь они оба этого всего не вспомнят.

– Офицеры не вспомнят, а этот солдат... он и не запомнил... он и не понял, что здесь произошло... А их отчетная память не оставит явного следа – в этих отчетах проследить возможно только смутную тропинку, ведущую к этим событиям... тропинку, занесенную снегом непонимания ситуации в полной мере всеми ними, не готовыми ко всему этому... У нас еще... Не все потеряно, Шлак!.. Подними Радеева!.. Вколи ему дозу стимулятора!.. Скорее!..

Шлак неохотно поковылял к полковнику DIS, неуклюже сжимая в зубах выплунутый из глотки шприц

и зовя на помощь все мои механические кошмары... Открывший мутные глаза, офицер разметал чудовищных псов, отползая к стене с искаженным лицом и подключая излучатель, не с первой попытки выхваченный из кобуры на ремне...

– Не надо стрелять в моих “псов”, Радеев. Или все ваши старания прахом пойдут.

Он перевел еще не осмысленный взгляд на меня...

– Мои старания?.. Нет, прахом пойдут все ваши старания, а мои...

– Я не знаю, что вы стараетесь сделать, Радеев, но, открыв огонь, вы покинете это место в сопровождении “защитников”.

Он дернул головой, будто стряхивая дрему с одурманенного разума, в недоумении останавливая взгляд на Айнере, просыпающемся без посторонней помощи, и едва собирая на нем рассеянное препаратами внимание...

– Я его?.. Или он меня?..

– Это мы – вас обоих...

Радеев еще раз дернул головой, но, видимо, дурман не согнал... Я

встряхнул Радеева, крепко схватив за плечи...

– Сосредоточьтесь и слушайте, Радеев. Смотрите мне в глаза и слушайте мой голос.

Радеев вскинул на меня еще не успевший заохлодать пониманием взгляд...

– Это наши территории, Радеев. На них действуют наши законы. Вам не позволено вступать в нашу деятельность. Вам позволено видеть наше дело до определенного предела. И мы его разграничили – прочертили рубеж, за который вам заходить запрещено. Соберитесь и слушайте

меня.

– Но что здесь произошло?.. Что произошло с этим офицером?..

– Вы оба вели себя непотребным образом – потому, что вам обоим здесь не место. Мы не дали вам обоим исказить наши результаты проверок – потому, что вы оба не в курсе наших дел. Вы не поняли друг друга и не поняли нас – не поняли происходящего. Но теперь все в порядке, несмотря на то, что вы отняли у нас необходимое нам время. Не отнимайте же его у нас впредь. Или ведите себя здесь тихо, или уходите отсюда, Радеев. Не

нарушайте ход подключения этого человека, не провоцируйте его, — только что проснувшегося ото сна смерти. Он вышел из смерти впервые — проявите к нему ваше всеобъемлющее понимание человека, прошедшего смерть не единожды.

Радеев коротко кивнул, соглашаясь. Он вспомнил еще только про обычную для него холодность, а не про изображаемую им благожелательность... Все так, как нужно... Только Шлак, подбредший ближе, стукнул меня скрипучим хвостом по голенищу сапога...

— Рано или поздно он сообразит,

что ты его провел.

– Нет, Шлак, ничего подобного.

– Ничего подобного тому, что он – сообразит, что ты его провел, или тому, что ты его просто – провел?

– Ни тому, ни другому, Шлак. Я и не подумал его провести, а он и не подумает, что я подумал его провести. Так что все в полном порядке.

– Кроме того, что Сигертр Стаг стоит у тебя за спиной, сложив на груди руки и готовясь спустить на тебя собак.

Я обернулся к Стагу, который действительно стоит у меня за спиной, дожидаясь объяснений, которых требует всем видом... и, видимо, не может еще потребовать в голос, угнетенный суровым негодованием...

— Вы оправдываете репутацию гробовщика, Грабен?! Вы устроили здесь побоище и собираетесь проводить похороны?! Я вам помогу организовать похороны, Грабен! Ваши похороны!

Он резко расцепил сжатые на груди руки, указывая на Хэварта и Лея...

— Вы оба! Поднимите этих офицеров с пола! Офицерам недолично находиться в таком положении в моем присутствии! Приведите, наконец, этого армейского полковника в вертикальное положение! Его ждут в Хантэрхайме! И именно — в вертикальном положении!

Лей подхватил Айнера, открывшего глаза и смотрящего на Стага строго, в упор... Я знаю, что Лей не справился с натиском свойственной ему порядочности, и не сообщил еще Стагу... Он честно ждал моего решения... Но сейчас он...

– Генерал, этот офицер... Он не стабилен. Он не должен сражаться в Хантэрхайме в этом звании.

– Результаты всех проверок сносны, капитан Мао! Не вижу причин ждать еще! У нас нет времени!

– Но этот офицер нуждается в еще одной проверке – в тщательной проверке, генерал. Его разум не стабилен.

– У нас нет времени! Посылайте его первым же транспортом!

– Он опасен, генерал!

– Не смейте прекословить мне, капитан Мао!

Хэварт не выдержал и, объятый отчаяньем, бросился к Лею...

– Лей, что вы делаете?! Вы же себе яму копаете!

Стаг выбросил вперед руку, указывая на меня...

– Отчет, Грабен!

Я уронил голову, когда Стаг обвел нас всех заледеневшим взглядом и когда в его голосе зазвенела сталь... Но эта промерзшая сталь еще хрупка, и у меня еще есть надежда, что при

ударе она разлетится осколками, как льдинка... Я жду, я бью молчанием...

– Грабен, я требую отчета за ваших отбившихся от рук подчиненных, обращающихся ко мне через вашу голову! Я не допущу такой распущенности! Не способны вы контролировать ваших подчиненных – не способны контролировать и процесс человекостроения! Я не потерплю этого! Я не потерплю того, что вы принуждаете меня повышать на вас голос в присутствии ваших подчиненных и посторонних! А этот офицер! Этот Айнер! Он должен сейчас же покинуть этот блок и отправиться в Хантэрхайм! Он

должен отправиться сражаться за северную крепость с понижением звания до проведения дополнительной проверки!
Исполняйте приказ!

Стаг развернулся уходить, но остановился в дверях...

— Радеев! Проводите этого офицера в Хантэрхайм! Составьте ему достойное общество и избавьте нас от вашего присутствия — от присутствия вас обоих!

Стаг вышел, проморозив и воздух. Хэварт с Леєм затихли и затаились, как и перепуганный солдат Воробьев. Радеев с Айнером, кривясь

холодными усмешками и
перекидываясь колючими
насмешками, ушли. А я...

Запись №12

Я стараюсь думать, но мне не думается. Просто, Радеев где-то поблизости – он не показывается мне на глаза, но он – постоянно находится в зоне ментального восприятия. Он преследует меня, следит за мной... Он контролирует каждое мое действие, каждый мой шаг... И я не знаю, как избавиться от него, – я так и не знаю, что ему от меня нужно... Он определенно

старается подловить меня, подталкивая к нарушениям... Но зачем ему это?.. Просто получил задание нейтрализовать меня, как получится скорее, – пусть и путем провокации?.. Но проводить такие провокации из-за простых подозрений... Я же не дал повода усомниться в своей надежности сильнее простых подозрений, применимых практически ко всем... А он ведет себя так, словно его подозрения – серьезные... Нет, не стыкуется. У него ко мне еще какое-то дело... Но не личное же... Не личная же это месть?.. Нет, он не имеет права и возможности мстить мне... А его начальство... Его

начальству – офицерам S12 – вообще не свойственно мстить... и я с ними никак не связан... Генералитет DIS и высший состав создавался еще до меня... Похоже, пришло время взять Радеева за горло и узнать у него, что ему нужно... Но это позже, а сейчас...

– Шлак, настройся на код компьютера центра управления.

– Грабен, я не собираюсь подключаться к компьютеру центра управления – я не буду вскрывать его жесткую память и скачивать для твоей потехи его данные – даже не проси.

– Нет, я попрошу не об этом...
Кодом компьютера центра
управления ты подключишься к
орбитальному спутнику.

– Я к нему и так могу
подсоединиться.

– Нет, твой код мне не подойдет.

– Постой, Грабен, уж не задумал
ли ты выйти на связь с кода
компьютера центра управления?

– Ты очень сообразителен, Шлак!
Глупый ты “щенок”!

– Это ты начинаешь делать
глупости, Грабен.

– Просто мне нужна связь и не нужно, чтобы кто-то знал, что этот запрос мой. Я за него отчитываться не собираюсь. А Стагу – не придется отчитываться за такую ерунду.

– Уверен, что это ерунда? За ерунду ты уж как-то отчитаешься.

– Ерунда для Стага, а не для меня, Шлак. Иди и не прекословь.

– Нет уж, ты скажи, с кем ты хочешь связаться и что сообщить. А то я начинаю подозревать худшее.

– Никакой я не шпион, “щенок”!

– Это ты сказал, что шпион, а не я.

– Не цепляйся к словам.

– Это ты цепляешься. Не находишь себе оправдания – и цепляешься ко мне, чтобы я не нашел в твоём замысле подвоха.

– Нет здесь никакого подвоха! Мне только нужно видеть одного человека! Мне нужна четкая визуальная связь, установленная с орбитального спутника, – с кода компьютера центра управления!

– Не за Айнером следить собрался?

– Не твое собачье дело! Мне нужно подключение! Установи

соединение, открой мне мысленную линию и передай полученный сигнал!

– Это сложно – с разными форматами разбираться. Я могу что-то перепутать, переводя информацию в мысленный формат.

– Не перепутаешь.

– Ты уверен?

– Да, ты – лучший декодер, вышедший из моей головы.

– Точно?

– Ты пропустишь полученную

информацию через разум без искажений – и точка!

– Я должен это прямо тебе передать или другой твоей технике?

– Мне – только мне и никому больше! Я решу – оставить изображение в разуме или вывести на экран!

Шлак задумался, медленно щелкая мыслями и гудя вентилятором на затылке...

– Я не пройду идентификации этого подключения – это слишком сложно.

– Совсем не сложно. Ты для этого приспособлен.

– Но я этого никогда не делал.

– Ты просто перепугался, Шлак!

– Да, ты прав – это так волнительно. Я исполню функцию декодера впервые.

– Рано или поздно тебе все равно придется это сделать – ты для этого и сделан. Так сделай это сейчас, Шлак.

– Я думал, что в первый раз это будет не так ответственно, не так сложно и страшно! Нет, я не справлюсь!

– Иди потренируйся с моим компьютером. Нет, Шлак... Постой! Попробуй перехватить сигнал компьютера контроля.

– Пользы тебе от этого больше не будет.

– Будет, если ты заодно потренируешься внедряться в память и считывать данные.

– Ты меня так сразу в оборот не бери. Я же запутаюсь.

– И Радеев тоже запутается.

– Ой, Грабен, я уже запутался!

– Не будь такой бестолочью! Ты мне все карты спутаешь!

– Игральные или географические?

– Геополитические!

– Геополитика? А это что такое?

– Забудь Радеева! Просто, установи связь с северным укреплением!

– Ты ведешь слишком сложную игру с картами – еще и не с игральными, Грабен. Тебя за азартные игры привлекут.

– Чушь собачья!

– Может, я и “собака”, но это не чувшь. К тому же, ставки уж слишком высокие. Игры, в которых на кон ставят жизнь, караются – смертью.

– Мы все уже в игре, Шлак, и все наши жизни уже стоят на кону... И тех, кто не проиграет жизнь – казнят за игру... Игра должна окончиться – ничьей.

– Конечно, ведь в конце все погибнут.

– Или все выживут. Я постараюсь сделать так, чтобы все мы – выжили... и я, и Айнер, и Радеев... Но мне нужно, чтобы постарались и они... чтобы они уступили мне...

чтобы приняли мои правила...

– На Айнера не рассчитывай – он игрок без правил. А Радеев – он диктует только свои правила.

– Поэтому я не собираюсь заставлять их играть по моим правилам, объявляя им их. Я просто заставляю их принять мои правила – без оповещения. Ступай к центру управления и встань под дверью, чтобы не было понятно, что сигнал идет не из центра управления.

– А что если дежурный офицер решит выйти?

– Пугай его и удирай со страшным

СМЕХОМ.

– А Стаг? Что если Стаг решит зайти? Его мне пугать страшно.

– Его просто поприветствуешь – этого хватит.

– А если он объяснений потребует?

– Объяснишь, что искал его, чтобы выразить ему свое почтение.

– А он поверит?

– Он верит всему, что не становится помехой его размышлениям.

Шлак собрался духом, собираясь идти на дело, и, наконец, направился к выходу, но в дверях столкнулся с... Радеев отпрянул в сторону при виде Шлака, но и Шлак не в меру испугался Радеева, заставив офицера преградить ему дорогу... и натянуто улыбнуться мне...

– Шлак, куда же ты собрался с таким устрашающим видом?..

– У меня дела.

Одним глазом Радеев проследил путь тугого умом “щенка”, прошмыгнувшего за дверь между его сапог, а другим – подмигнул мне...

– Вот как?.. Ну ни пуха тебе ни пера, Шлак...

Страшный “щенок” остановился посреди коридора, соображая...

– А я не за перьями, Радеев. Так что можете не желать мне не получить перья. Я знаю, что без злорадных замечаний на мой счет вам никак не обойтись, но перья не затрагивайте.

– Ты совсем озадачил меня, Шлак...

– Это вы меня озадачили, желая мне, чтобы я не получил то, что мне не нужно.

– Но я имел в виду другое... Я выразил желание, чтобы ты не получил того, что тебе нужно...

– Это еще хуже, Радеев. Это еще как-то похоже на вас. Но смысла все равно никакого. Нельзя получить того, чего нет. А пера у нас нет – ни пера, ни пуха, ни птиц. Так что нет и смысла желать мне не достать то, что мне все равно взять неоткуда, и то, что вообще – нельзя достать. А главное, – то, что мне ко всему этому еще и не нужно.

– Ты думаешь, что я это со зла?.. Нет, Шлак... Только из благих побуждений... Это так – присловье...

Это я так – от привычки... Так у нас принято, Шлак... Еще принято отвечать на это, посылая к черту...

– Это на тот случай, если вы желаете мне не достать того, что мне действительно нужно достать?

– Именно, Шлак... Пух и перья здесь ни при чем... Это так – обобщение такое...

– А черт?

– Что черт?..

– Он тоже ни при чем?..

– А черт – очень даже причастен к

делу...

Шлак подумал и согласился – он думал долго, будто его голова набита железными опилками... надо проверить, чем набита его голова, – и не пуста ли она вообще...

– Все бессмысленно, Радеев. И к черту вас посылать бессмысленно – вы и без этого к нему пришли. Счастливо оставаться.

Радеев рассмеялся мне в лицо...

Запись №13

Я решил, что безопаснее не пытаться выдворить Радеева, и мне пришлось пригласить его быть моим гостем и терпеть его невыносимый смех надо всем, что попадает в поле его зрения. Но он не сможет сбить этим смехом ход моих мыслей, как я не смогу прогнать его обратно в его подземелье... И Хэварт, и Лей готовы сорваться на Радеева в кратчайшие сроки — они раздражаются все сильнее с каждой его дружеской колкостью. Но я игнорирую и издевательства Радеева, и их негодование, стараясь не обращать внимания на всех них. Я не вывел на

экран изображение, проецируемое Шлаком, а подключился к Шлаку напрямую. Шлак еще не знает, что этого недостаточно, что это только первый шаг, – подготовка “щенка” к подключению к камерам подземных укреплений... Только глазами такого объекта я смогу четко увидеть все, что делает Айнер... Только тогда я разберусь в его разуме и пойму, что он думает... Мне ясно, что он, и правда, – опасен, но я еще не знаю, насколько... Я решил восстановить его в звании, проведя конечный контроль так, как сочту нужным я, но возможно определенные поправки, ограничивающие его власть, внести придется... Он – “пограничник”, не

нарушающий прописного порядка, но не признающий недодуманных правил... Он обходит все барьеры закона, не блокирующие дороги противозаконных действий. Я понимаю, что никто с ним ничего сделать не сможет... Его не поймают, потому что он не станет прятаться, его не приговорят, потому что он не станет оправдываться – к нему не подкопаются, нет... И поэтому он вьет из моих нервов веревки, как и Радеев, насмехающийся надо мной, – смеющийся надо мной мне в лицо... Но Радеев еще не знает, что мои нервы, скрученные веревками, станут только крепче...

– Уже стемнело. Нам пора.
Идемте со мной, Радеев.

– Но ведь у вас еще столько дел...

– Хэварт справится.

– Без вас ему придется трудно...

– Зато без вас – легко. Раз уж вы –
моя тень, пойдите со мной.

Я вижу, как он устал, – он не спал
столько же, сколько мы... И теперь
его натужная улыбка не звенит
смехом, а скрежещет зубами... Я
вымотаю его домертва, выжму
досуха...

– Что же вы намереваетесь делать в такой поздний час?..

– Сейчас увидите, следуйте за моими “псами” – они проводят нас через темноту этого сектора...

– Свалка?.. Мы идем на свалку?..

– Да, сегодня подходящая ночь... подходящая для воплощения моих кошмарных сновидений...

Радеев молча пошел за мной, за моими чудовищными подручными... Поначалу он еще сверялся с картами, но заплутал впотьмах на путанных тропинках среди обломков и осколков старой техники... Я не

собираюсь искать запчасти для моих псов среди этих разрушенных войной и временем машин, еще не пущенных на переработку, а хранимых на этом объекте. Я просто подожду, пока он продрогнет и начнет засыпать в этой тьме...

Он поднял ворот черной шинели, совершенно скрывшись в окружающем его мраке...

– А я могу быть уверен, что со мной здесь ничего не произойдет?..

– Нет, не думаю... Здесь постоянно происходят странные вещи...

– Настолько странные, что мне стоит предупредить начальство о том, где следует искать мое тело на рассвете?..

– В этом месте можно сломать шею, и следуя за таким опытным проводником, как я... Можете сообщить о местонахождении вашего тела, а можете просто смотреть, куда идете... Что вы выберете – решать вам.

– Я всегда выбираю и то, и другое...

– Достойный выбор, когда речь идет о жизни и смерти.

– Работа у меня такая – она мне много выбора не дает, кроме как выбирать – и то, и другое...

– Нам всем запрещено бояться смерти, но все мы нарушаем эти запреты, Радеев.

Он обвел глазами призрачно светящиеся силуэты моих покореженных подручных – в их слабом свечении и я, облаченный в светлую форму, произвожу подобный эффект... Мы вышли под открытое небо как раз тогда, когда поднялся туман и когда его прорезал свист поднятых истребителей... Замерзший офицер сжал плечи, вперившись

взглядом в небо, разразившееся раскатами ночной атаки... Лучи прорезали мрак молниями и далекое зарево разошлось громом... Эти вспышки разлетаются в тумане, приглушающем громовые раскаты рушащихся пограничных укреплений Шаттенберга...

— Вы еще не налетались в облаках?.. Мне кажется, что вам, Грабен, пора бы спуститься на землю... А то как бы не пришлось провалиться в подземелье... Такое бывает, когда залетишь высоко и падать придется с высоты полета... так скажем, — с высоким ускорением...

– Вы, Радеев, думаете, что я подобен ракетам прежних пор?.. Тогда вы должны думать, что я способен пройти сквозь землю, не разбившись...

– До предела, Грабен... Где-то вы возьмете да разорветесь...

– И это будет сокрушительно для вас – обитателей подземелий...

– А для вас это будет – губительно...

– Ученые призваны заграждать истину грудью, Радеев...

– Ото всех... и от себя... Боюсь,

вы слишком заняты погоней, чтобы не забыть, что гонитесь за истиной...

– Так же, как вы слишком искушены ложью и угрозами, забывая, что эти средства призваны служить достижению той же истины...

– Просто правда – приткая и скользкая... Она убегает от вас, ускользает от нас... Вот мы с вами и обязаны ловить эту хитрую правду сообща... Ваш разум скор, а мой – цепок...

– Скорость срывает с объекта все, что к нему цепляется, Радеев...

– Пока вы особых отличий от ракет прежних пор не показали – вас так же трудно обнаружить и остановить, вы так же устремлены к цели... И преследуете вы свою цель с недостигаемой, скорее, – с непостигаемой скоростью... Только учтите, что эти ракеты с незапамятных времен сняты с вооружения из-за того, что эти технологии – устарели, Грабен... Теперь лучи летят в цель, не отклоняясь и не скрываясь... Они скоры и сильны – для нас они не отразимы из-за этой силы и незримы из-за этой скорости...

– Однако с помощью техники мы

видим и отражаем и их.

– Техника не надежна... Она опасна для нас, полагающихся не на свои силы... Прямые жесткие лучи – наше непревзойденное оружие нападения и защиты... Они всегда сражают врага, всегда проявляют правду...

– Если бы каждый пущенный нами луч поражал каждого нашего врага и проявлял правоту каждого из нас – нас бы давно не было, Радеев, – нас всех.

– Вы думаете, что сумеете ловить лучи голыми руками?..

– Нет, – только в перчатках,
Радеев.

Он усмехнулся про себя, опуская тяжелеющие глаза на Гарма, легшего у его ног и сложившего перед ним рогатую голову... Радеев понял, что пес не спит, а стережет... Офицер достаточно рассеяно огляделся, видимо, еще надеясь найти человека в зоне восприятия. Но он уже не старается сосредоточиться на сигнале – никого нет, мы здесь одни... Я поймал его. Теперь при отступлении он полатится пугающей нас всех видимостью всепроходимости и всепроницательности офицера DIS –

Этим туманом, напускаемым на нас всех “теньями” системы. Его оружие – морок... и теперь я обращаю его оружие против него. Я вытяну из него признание его же клещами – его же мутными угрозами, его же мглистой ложью... Я запутаю его в тенях и туманах между обманом и истиной... Я заставлю его ждать нападения так долго, что нападу, когда он перестанет ждать... Я заставлю его поверить, что на его крючок попался я, тогда он попадется – на мой... Вера приходит со страхом и усталостью... А вера убьет его разум, изнеможенный ожиданием смерти моего разума... Он скажет правду, когда его разум

заснет и проснется его кошмары... Мы останемся здесь надолго – на всю эту длинную ночь, которой он никогда не забудет...

Запись №14

Радеев сжал плечи и понуро опустился на крыло разломанной “стрелы”, которой не суждено взлететь с этой свалки преданных вечному покою машин... Туман пробирает сыростью до костей не его одного, но я стараюсь не замечать этого светлого мрака, прячущего не

только темное небо, но и все
остальное в метре от нас... Со
сломанного крыла “стрелы” он
поднялся только, чтобы выдрать из
промерзшей земли клочья сухого мха,
и, постелив мшистый покров, уселся
снова... Гарм, проводивший его
долгим и тоскливым взглядом, завыл
так же долго, так же тоскливо...
Этот хриплый вой подхватили
другие, выступившие из тумана
призрачные “псы”... И я, оставив
офицера ждать меня с
ощетинившимся острым хребтом
“волкодавом”, направился к
столпившейся в стороне стае... Эти
“псы” мыслят на низком уровне – им
неведомы тонкости управления

мыслительным процессом. С мыслями они обращаются достаточно грубо, общаясь односложно и обходясь открытыми для всех каналами связи, действующей только на коротких дистанциях. Я не подпускаю их, поддерживающих связь со Шлаком, к Радееву, чтобы он не прочел их мыслей, — мыслей Шлака, переданных им для меня...

— Шлак, что-то случилось?

— Да, Грабен! Ты пропал, и я стал беспокоиться!

— Я не пропал, я просто вышел из зоны действия связи.

– И надолго ты так пропадать намерен? Я же нервничать начинаю.

– Скрепись, пока не придет Стаг.

– Стаг? Зачем Стаг?

– Жди, Шлак. Подключайся к камерам объекта, на котором находится наблюдаемый, – запоминай информацию и жди распоряжений.

– Какие камеры?

– Мне нужно видеть глазами объекта.

– Да, спутники здания насквозь не

просветят и не посмотрят. Но новое подключение – серьезный шаг. Это сложно и страшно. Я и так испуган, а если еще и Стаг на меня наткнется – я не знаю, что я тогда сделаю.

– Просто поприветствуй его.

– Ты думаешь, это сработает?

– Обязательно, Шлак.

– Думаешь, уставшему и задумчивому человеку приятно повстречаться со мной ночью в пустом коридоре и получить в нагрузку мое приветствие?

– Уверен. Конец связи.

Я вернулся к Радееву, едва продравшему отекшие от сырого холода веки и выславшему мне навстречу потускневший взгляд...

– Вы не зря старое оружие помянули, Грабен... Похоже, вы решили устроить и старую войну... Сидим здесь, как в окопе...

– Вы, видимо, в окопе не сидели, если думаете, что там так тепло и сухо...

– А вы мороси не замечаете?..

– Мы ученые – мы видим большие задачи далеко впереди, не замечая близких и мелких незадач...

– Какая незадача... Но так уж повелось: ученые траншеи размечают, рабочие роют, мы – расчищаем от грязи, проводя последнюю подготовку к открытию пути нашей армии... Не то, чтобы все с нас начиналось и нами кончалось, но комья грязи тоже кому-то разгрести надо – на нас вся чистота траншей держится...

– Вы лично, Радеев, стоите на бруствере, смотря за своими подчиненными.

– А вы действительно думаете, что мое звание меня так возвышает?..

– Я думаю, что вас от траншей

ограждают стены штабного корпуса.

– А я не штабной... Я – боевой...

– Что же вы тогда все вокруг да около крутитесь?

– Да я вслед за вами все вокруг окопов кружусь... А как вы в окоп ползете – я следом и сразу...

– Я в ваш могиле подобный окоп спускаться не собираюсь, Радеев. И столкнуть меня в этот окоп у вас не получится, как бы вы ни старались...

– Ну вы осведомлены о настойчивых свойствах моей надежды... Я еще постараюсь...

– Жаль вас разочаровывать, но вам не под силу сгноить меня в земле...

– Конечно, вы же не прогнивший в корысти человек – вы и под землей не сгниете...

– Нет, я не поддамся гниению и распаду, сколько бы разлагающего яда вы мне в разум ни залили...

– Я не ваш разум травлю, а душу... Я в ваш разум не лезу, чтобы в лабиринте извилин не заблудиться... Я вам яд прямиков в душу лью...

– Бесполезно.

– У вас нет души?.. Тогда мне

придется изнутри вылезти и снаружи вас этим ядом обработать...

– Когда вы, каратели, допускаете мысли, что другие не крепки духом, а бездушны, вы – теряете души, отдавая их таким, как я...

– Сборщикам душ?..

– Сборщикам только в смысле – конструкторам...

– Нашим богам... Богам жизни и смерти, дающим и забирающим и то, и другое... Один код – и все, мы обретаем ум, теряя глупость... Другой код – и мы вспоминаем смелость, забывая трусость... Вы

решаете, как нам жить, как умереть... Вы пишете схемы наших мыслей, и знаете их ход... Вы выпускаете нас из своей головы и знаете, кто мы, что делаем, о чем думаем... Я вам не соперник... Поэтому – я вам и не противник...

– Тогда возвращайтесь туда, откуда пришли – в ваши темные подземелья...

– Я ваших светлых чертогов без вас покинуть не смогу, как бы ни захотел...

– А вы хотите, Радеев?

– Признаться честно – хочу... Над

вами насмеяться довольно
утомительно...

– Я помогу вам – вернуться...

– Лучше бы помогли мне
испортить вам нервы и закончить все
это скорее...

– Я решу эту задачу с вашим
начальством – прямо сейчас...

– Дело в том, что решить задачу с
моим начальством поручено мне, и я
не могу передать мое дело вам... Я
не отцеплюсь от вас, пока вы не
пойдете со мной...

– Никогда не отцепитесь?

– Похоже на то... Но только – похоже... Я не теряю надежды не потому, что мне так в голову взбрело... Моя надежда крепка потому, что – закалена испытаниями... Она прошла не одну проверку на прочность... И надобность ее оправдана, и надежность ее подтверждена опытным путем... Я не отцеплюсь – и, рано или поздно, вы промахнетесь... А я тут как тут... Как только промахнетесь, так я вас и схвачу, и в подземелье мое уволоку...

– Вы не докажете мою вину.

– А я про вину не говорил... Это

вы – заговорили... Это первый шаг – вы признаете вашу вину...

– Мне нечего признавать, Радеев. Я веду речь о том, что как бы вы ни старались меня обвинить – у вас ничего не получится. Я – ни в чем не виновен.

– Перед нами, перед – законом, так сказать, не виновны, а вот...

– А вот иначе виновным быть и нельзя.

– Виновным – нет, нельзя... А виноватым – очень даже можно... Так вот я и жду, когда вы – еще только виноватый, станете –

виновным. И я этого дождусь... Так что советую не дожидаться этого вам. Сдавайтесь, Грабен. Вам же лучше будет... и мне – легче...

– Думаете, что я облегчу вам вашу работу, когда вы так усердно затрудняли мою?

– Облегчите – и ровно настолько, насколько я вам вашу работу затрудню. Так что сдавайтесь. Не тяните время, не тяготите нас всех с вами включительно ожиданием того, что обязательно будет содеяно и совершено вами – того, что вы думаете сделать...

Я перевел на продрогшего

офицера равнодушный взгляд победоносца, прячущего победу от еще не поверженного врага... Я слышу скорые шаги Сигертра Стага и скрип Шлака – страшного “щенка”, зажатого в руке сурового командира и зависшего в воздухе в отдаление от него... Стаг занес руку со съезженным “псом” над моей головой, но не опустил – просто поднял скрежещущего Шлака, как знамя...

– Грабен!

Стаг осмотрелся, словно еще не понял, что пришел ночью на свалку... Похоже, он, и правда, не

понял, что направляющая его техника поиска, завела в пристанище старых техно-развалин... Он, внезапно выдернутый из размышлений, только что заметил, что здесь со мной и моими “псами” расположился и промерзший Радеев...

Шлак, поджавший хвост и прижавший к затылку уши, взметнулся выше вслед за рукой генерала, все же сообразившего, где он и с кем...

– Грабен, я исправно закрываю на ваших чертей глаза, рассчитывая на вашу безукоризненную службу! Но на

этого “пса”, подстерегающего меня у дверей центра управления глухой ночью, я глаз закрыть не могу! Я не потерплю такого беспорядка у дверей центра управления и днем! А вы подсылаете мне этих страшилищ ночью!

– Этот “пес” просто заблудился, генерал.

– Он подбирал коды к каналам связи, открытым только технике центра управления!

– Он потерял меня и стаю из поля зрения и пытался найти, подбирая коды к моим каналам связи, не задействованным ранее. Он не знает

таких тонкостей – он действует наугад и пробует все подключения подряд.

– Точно подстраиваясь под код канала компьютера центра управления объекта!

– Подстраиваясь подо все коды, пришедшие ему в голову.

– Почему ему в голову пришел именно этот код?!

– Он считал его, стараясь нащупать сигнал, генерал. Он решил попробовать первый попавшийся ему канал.

– Я его знаю, он не настолько туп!

– Разрешите заметить, что вы его не настолько хорошо знаете.

– Я требую отчета – и от вас, и от него! Немедленно!

Шлак всхлипнул, скрипнув поникшим хвостом...

– Генерал, я не умею писать отчеты.

– Умеешь декодировать сигнал связи, умей и отчеты составлять!

– Но я ни того, ни другого не умею! Я не декодер и не офицер! Я

только зажигалка и будильник офицера, который считает меня декодером, внедряющимся в связь всех систем! А я и с ним связаться толком не могу!

Стаг вытянул руку, встряхивая Шлака, висящего на уровне его глаз, и всматриваясь “щенку” прямо в потрескавшиеся линзы...

– Собрался оправдаться или оправдать его – сделай это в письменной форме! Твой отчет должен лежать у меня на столе, а ты – стоять у меня на ковре!

– Вы меня в кабинет пустите?

– Не считай это продвижение по карьерной лестнице!

– Но как же? Вы же отчеты требуете только от подчиненных, а в кабинет впускаете только избранных!

– Избранных для награждения или для наказания!

– Пусть я и получу наказание, я получу и повышение! Я же здесь до сих пор нелегально находился! А теперь вы у меня отчета требуете!

– Это не значит, что ты переводишься на легальное положение!

– Но иначе вы от меня отчета требовать не можете.

– Я все могу требовать и ото всех!

– Требовать-то и я могу.

Стаг бросил скрежещущего “щенка” скривившемуся Радееву прямо в руки...

– Убирайтесь с глаз моих оба! Убирайтесь так далеко, чтобы я вас обоих больше не видел! И не смейте возвращаться! Вы больше не получите коды доступа ни к одному моему объекту! Пошли вон из первого научного управления Шаттенберга! Пошли вон из

Шаттенберга!

– Ну из Шаттенберга вы нас прогнать не можете, генерал, – этот город не ваш объект...

– Замолчите и убирайтесь!

– Не грубите мне, генерал...

– Не уберетесь с моего объекта – не убережетесь от моей грубости и не обойдетесь без давления моей охранной техники! Вон! Довольно вам беспорядок у нас устраивать!

– Да я как раз порядок навожу...

– У вас не выходит, Радеев! Вы

бездарь, метущий мусор не в ту сторону!

– А я мету не в ту сторону только потому, что мету не мусор... Мусор – он как раз без нашей помощи выметается...

– Кончайте морочить всем головы этими туманностями!

– Нет, я и не мечтаю навести морок на такие умудренные головы, как ваши, – вы это и без меня можете... А я так – присматриваю только, чтобы туманности эти в мудрых мыслях далеко не расползались... Я же знаю, как вам одним трудно ограничить

безграничный разум, как трудно удержаться от вседозволенности, когда никто не держит...

– Вы проводите показательную чистку?! Пришли забрать моего сотрудника для украшения вашего отчета?! Тогда забирайте эту страшную “зверушку” на память и уходите прочь!

– И больше я от вас ничего не добьюсь?

– Добьетесь выяснений с вашим руководством! Теперь вашим генералам туманными ссылками на секретность не отделаться!

– А как же наша договоренность с вашим руководством?..

– Идя к своей цели через мою голову, беспокойтесь о своей голове – о ее сохранности, а не о договоренности!

– Похоже, вы правы... Не посвящать вас в курс дел – с нашей стороны это было скверной необходимостью... Но теперь все в порядке – теперь я могу открыто признаться вам, что пришел забрать вашего подчиненного, потому, что теперь я могу открыто забрать его у вас...

– На каком основании?!

– На таком, что он у вас опасный преступник...

– Посмотрим еще, кто преступник! Посмотрим еще, кто опасный!

– Я не преступник, поэтому в мою сторону и смотреть никто не станет... А вы... Я знаю, что вы так же опасны, как ваш подчиненный, но и вы – не преступник, так что и смотреть нам на вас не придется... не на что смотреть, так сказать...

– Я вам сотрудника моего управления не отдам.

– Тогда мне придется его взять...

– Только через мой труп, забитый до смерти – доказательствами!

– А доказательства у меня прямо в руках...

Радеев протянул Стагу скрипнувшему от волнения Шлака...

– И не помышляйте достать данные, свидетельствующие против моего сотрудника, из памяти, прописанной моим сотрудником!

– А я возьму данные не у него, а у объекта, на котором он находился, исполняя задание вашего сотрудника... Вы же знаете – и у стен есть глаза и уши...

– У стен, имеющих глаза и уши –
есть и зубы, Радеев! Не
вмешивайтесь в наши дела!

– Да вот я уже вмешался...
Заварили вы здесь кашу, и я сразу в
нее вмешался... Теперь
расхлебывайте все до конца – вместе
со мной... А я не масло, которым
кашу не испортить – я ложка дегтя в
бочке меда, так скажем...

Запись №15

Теперь Радеев мой с головой.

Теперь он уверен, что подкопался под меня, что скоро я провалюсь в его подкоп – в его подzemелье... А главное – он и понятия не имеет, что уверенность именно этого рода мне от него и нужна изначально. Он отвлечется от моих дел, позволив мне завершить начатое без его надзора, – без его помех, еще и – с его помощью. Он поможет мне отвлечь Стага, как Стаг поможет отвлечь его. Радеев показался генералу во всей красе, неприкрытой никакими правилами приличия, и Стаг ему этого не простит. Генерал ему еще и старое припомнит – да так, что они оба позабудут про то, что никто на меня никакого

компромата ниоткуда и никогда не получит, что компромата на меня — просто нет. Подумаешь, заловили несмышленного “щенка”... Шлак мой “щенок”, но и его память — моя...

Радеев ждет, что память Шлака откроет ему мои распоряжения или что я перепишу память Шлака, что он узнает про это и использует это против меня... Но мне не придется делать этого — это предусмотрено программой, не сохраняющей в жесткой памяти моего подручного моих распоряжений, переданных определенным кодом. Мои приказы стираются через считанные часы, разрушая и отзывающуюся на них

память, уничтожая все следы установки и выполнения задачи. А спутанные испугом мысли потерянного “щенка”, ссылки на показания дежурного офицера и техники наблюдения ничего не разъяснят, а лишь – запутают все... Зная о нетерпимости Стага к контролю службы безопасности, я спокоен. Наши объекты настроены на наблюдение им – Стагом – без учета требований DIS о строгом соблюдении верхних ступеней контроля. Нашим объектам не поставлена задача проследивать все наши помыслы...

Конечно, Радеев узнает, что в это

время в этом месте запросили эту
линию связи кодом компьютера
центра управления, но ему не удастся
установить — запросил линию
компьютер или Шлак —
подтверждающей открытие линии
информации не хранит ничья
память. И пусть он поймет, что это
сделал Шлак — он этого не докажет
без точных данных... А я стану
напирать на то, что за этим
офицером, проходящим конечный
контроль, сейчас следит наша
техника, дающая сбои в эти тяжелые
для нас времена. И Стаг заставит его
искать неисправности
переустановленной задачи,
разработанной специально для

снабжения солдатами и офицерами северных укреплений. И пускай он ищет пропущенные расчетчиками недоработки, понимая, что это ни к чему не приведет. Он концов не найдет, несмотря на то, что нашел начало. Просто, начало этих концов – середина нити, растянутой в разные стороны. Пойдет он по ней в одну сторону – уйдет от другой, поймает он один ее конец – упустит другой... А сложить в один два конца для него так же непосильно, как сложить в одну две точки пространства.

Радеев с кислой ухмылкой скосил на меня прищуренный в щелочку глаз, блеснувший из-под припухшего

века...

– Ну почему же непосильно?..
Очень даже в моих силах...

– О чем это вы, Радеев?

Радеев сложил ворот шинели
стяжка к стяжке...

– Чем же это для вас не
пространство?.. Чем же это для меня
не ваши мысли?..

– Наглядно.

– Пусть я ваши мысли не читаю,
но некоторое понятие, о чем вы
думаете, имею... Признаться честно,

я вам дал не верную оценку...

– Недооценили.

– Нет, скорее, переоценил... А вот вы меня – недооценили... Не выдался у нас с вами торг... Но это не беда – мы выставим новые цены и начнем снова... Только вот, боюсь, ваш генерал меня с этих торгов выставит...

– Мы здесь торгов не ведем. Души – не товар, Радеев...

– А что же?.. Они не бесценны... Вы даете и берете их не даром, как и мы... Мы ведь с вами похожи... Мы одной крови – одного поля ягоды, так

скажем...

– Может, боги и одной крови с дьяволами, но стоят они на разных полях...

– Нет, поле произрастания у всех, так сказать, ягод – одно... Это – жизнь...

– Тогда у нас действительно много общего и объединяющего.

– Больше, чем вы думаете... Только и различие существенное есть – у нас есть совесть, а у вас ведь – совести нет совсем...

– Нет совести?

– Вы даже не знаете, что это такое?.. Ну так я объясню... Это такой последний ограничитель, связывающий не руки, а сознание – ограничитель, который останавливает человека, когда не справляется порядок с прописными правилами...

– К чему вы клоните?

– Да к тому, что вам здесь с вашими злыми затеями не место... Вам нельзя оставаться здесь – вы здесь страшные дела вершите... Не думайте, что я отчаялся ждать, когда вы промахнетесь и попадетесь мне в руки... Нет... Я и не надеялся на ваш

промах... Но я надеюсь на ваше понимание...

– Скажите ясно.

– Я же, как вы, наблюдаю за вашим творением – я вижу деяния этого офицера S9... И жду, что вы посмотрите на этого офицера – на этого опасного человека, которого вы собираетесь продвинуть во власть – и поймете, что этот планируемый вами поступок неправилен... Такой человек не должен получить власть – порядок не должен допустить такого... Только ваш человек сильнее порядка – он возьмет эту власть... возьмет и без вас... А поможете вы

ему пройти эту проверку – он пойдет дальше... А вы собираетесь сделать это, несмотря на правила, – намереваетесь разрушить порядок, стоя к нему лицом к лицу, смотря ему прямо в глаза...

– Я понял причину вашей тревоги, Радеев. Я не сделаю этого – я не собираюсь давать влияние этому офицеру, внедряясь в память проверяющей его техники, так что можете спать спокойно.

– Нет, в ближайшее время мне даже беспокойно не уснуть...

– Вы получили все, что вам было нужно, и можете теперь вернуться в

ваше подземелье.

– Нет, без вас мне не вернуться вообще... Вы так просто от меня не отделаетесь – вообще не отделаетесь... Вы зашли слишком далеко, хотя и шли – еще недолго... Теперь вам вернуться никак нельзя – надо идти дальше, дойти до конца... Вы должны ответить за ваше творение... Вы сделали этого офицера таким, что ему посильно пройти эту проверку и без вашей поддержки... Он – “пограничник”... Он – нарушитель, против которого не действуют правила и поправки... Вы обязаны исправить это затруднительное положение...

– Я не имею права исправлять разум подключенного к жизни человека – это запрет, не нарушаемый запрет.

– Не надо трогать разум, раз уж он запущен в жизнь... Но надо тронуть человека...

– Списать его?

– Списать... Не на ликвидацию – на понижение... на надежное понижение ранга.

– Он полковой командир – он не может командовать ротой.

– Может. Он быстро привыкнет...

Наберется унтер-офицерской ругани – и не вспомнит, что он – аристократ высшего состава, предназначенный вовсе не для этого...

– Не ждите, что я нарушу порядок и спишу его на понижение, присвоив ему звание ниже положенного по результату проверки.

– Нет, не жду... Вы способны влиять на результаты, не нарушая порядка, – ваши поправки повысят или понизят его незаметно для техники контроля...

– Я не стану больше влиять на его судьбу.

– Вы оказали такое влияние на его судьбу, что теперь вы не можете взять и устранишься от дел – мы вам не дадим... Да вы и без нас – не сможете устранишься... Вы только раскусили вашу силу, только вошли во вкус вашей власти над нашими судьбами... Вы только что поняли, что вы – наш бог... Но еще не осознали, что некоторые наши боги – дьяволы...

– Вы и правда считаете меня опасным... Иначе у вас не было бы повода пытаться поймать меня, провоцировать меня на нарушение правил порядка... на преступление...

Радеев вскинул на меня заглодевший взгляд...

– Я провоцировал вас на этот поступок. Но только для того, чтобы вы совершили его под моим надзором. Только для того, чтобы вы увидели, что у вас получится, чтобы вы поняли, что вы наделали. Я с вами ничего сделать не могу – могу только взывать к вашей совести во время ее присутствия в вашей голове, указывая вам деяния, совершенные вами во время ее отсутствия.

– Вам не дотянуться до моих высоких целей и не добраться до моих великих дел.

– Высокие цели, великие дела?!
Вы подвергаете опасности порядок!
И вы уродуете чужие жизни, идя к
вашей высокой цели и ища величия!
Я обязан остановить вас,
возомнившего себя всемогущим
богом, до того, как вы сотворите себе
армию бесов! Но все, что я могу, –
убеждать остановиться вас!

– С каких пор Тишинский видит
препятствия для устранения
опасного для порядка человека? Он
не убеждает – он просто убирает
опознанных им нарушителей, пусть и
не приговоренных к смерти по
прописанным правилам порядка.

– Вы думаете, что правила не писаны для нас? Нет, мы соблюдаем их, пренебрегая ими разве что при крайней необходимости.

– Тишинский бессилен остановить меня – он бессилен насаждать свои порядки моему начальству. Вам не позволят и пальцем меня тронуть, пока у вас не будет весомых доказательств моей вины, а их у вас – не будет. Вы не арестуете и не осудите меня. Я перед вами не виновен.

– Вы не виновны только перед законом.

– Только закон устанавливает

вину. Уходите, Радеев, иначе Стаг вас...

Радеев поднялся, полыхнув на меня глазами, горящими гневом... Он ударил меня по щеке сложенными перчатками, оставшись стоять передо мной... Остался стоять и я, молча, со сцепленными за спиной руками...

– Вам не спровоцировать меня, я не стану требовать сатисфакции. Я знаю, что дуэли в военное время строго запрещены.

– Я это сделал от души, Грабен! И у меня есть душа, Грабен!

– У вас есть – личины, Радеев.

Хватит притворства, я не поверю, что кто-то когда-то видел ваше истинное лицо – даже вы. Вы не выведете меня из себя, что бы ни делали. И я продолжу делать то, что считаю нужным. И советую вам не оставаться здесь дольше. Вас скоро вышвырнут отсюда со всеми распоряжениями вашего руководства. А сейчас приведите расстроенные нервы в порядок и идите спать, Радеев.

– Вам здесь недолго служить осталось! Мы об этом позаботимся, Грабен!

– Я предупрежу о вашей заботе

начальника и подчиненных. Они не упустят ни подлога, ни клеветы.

– Стаг слеп, если не замечает, кто вы и что вы делаете!

– Стаг смотрит далеко вперед.

– Не замечая того, что рядом!

– Того, что – не значимо.

– Он считает, что не значим порядок?!

– Мы выше вашего порядка. Мы ваш порядок устанавливаем, действуя и исходя из порядка нашего.

– У нас порядок один для всех! И выше системы себя не ставит и Снегов!

– Просто, верховный главнокомандующий считает себя олицетворением системы. Он не человек. Он – Система, он – Порядок. Он позволяет нам действовать в другой системе координат.

– Но он не предоставляет вам выбора на ваше усмотрение! Он не позволит вам переступить границы порядка и сеять хаос! Стоит вам сойти с этой грани, он свергнет вас с небес и сошлет к нам – в подземелье!

– Ученые, всегда стоят на краю. И ученые, ступившие за край, – всегда срываются в пропасть! Что же – туда им и дорога.

Сигнал побудки разлетелся по коридорам зданий, я развернулся и ушел в густеющий туман, оставив Радеева под присмотром моей своры... Без проводника выйти отсюда ему будет сложно... Один Шлак припустил за мной, нагоняя в коридоре проходного объекта...

– Что-то пошло не так! Что-то не в порядке!

– Наоборот, Шлак, – теперь все точки расставлены и все ясно. У них

на меня ничего нет... и не будет.

– Зато у тебя на совести куча всего
– и есть, и будет.

– Не начинай. Мне это надоело.

– А Радеев прав.

– В чем же? В том, что мне
следует перестать стремиться к
совершенству и умереть тихой
смертью от скуки? Я не перечеркну
планы великих деяний и не загублю
высоких устремлений. Это
равносильно – заморить голодом
себя и задушить других.

– Он прав в том, что ты не

сделаешь этого и не остановишься. И прав в том, что никто иной тебя не остановит, – только ты сможешь это сделать, только твоя совесть.

– Я не могу остановиться на достигнутом и отступить назад.

– Тогда иди вперед, но другой дорогой.

– У меня нет другой дороги – нет выбора.

– Сдайся ему. Раскайся в содеянном и сдайся. Ты еще не такие страшные вещи натворил – пока еще ты можешь рассчитывать на прощение.

– А что я стану делать, когда это прощение получу? Меня спишут – дадут неотчетливую должность, на которой я проявлюсь настоящим чудовищем. Ты же знаешь, на что толкает меня скука... Тоска вытягивает из моей головы – кошмары... которые заставляют меня творить ужасные вещи...

– Думаешь, что тогда ты сделаешь что-то ужаснее всего, что сделал?

– Уверен в этом. Так что обратного пути у меня нет.

– Думаешь, что не сможешь контролировать себя, когда тебя не смогут контролировать другие?

– Не думаю, а уверен.

– Думаешь, что сейчас ты делаешь наиболее безвредные вещи из всех, что можешь сделать?

– Я в этом уверен.

– Тогда я молчу.

– Правильно, а то мне начало казаться, что тебя заело и тебе пора прочистить мозги.

Запись №16

Лей открыл передо мной данные повторной проверки Айнера...

– Чисто. Все в полном порядке.

– Показатели спорные. Они не вписываются в наши нормы.

– Но и не выходят за принятую норму.

– Нужно проводить еще проверку.

– Не нужно – этот офицер твердо стоит на границе. И с этой грани он не сойдет.

– Мы не можем принять решение, не сведя его с этой грани в ту или

иную сторону, полковник.

– Его нельзя сталкивать в сторону, когда он стоит посередине.

– Он не стоит – он мечется между этими сторонами. Его нужно проверять до тех пор, пока мы не застанем его на одной из сторон при пересечении границы.

– Мы его не застукаем, Лей. Нам придется исходить из этих показателей.

– Но мы не можем...

– Можем или нет – мы сделаем это.

– А что? Оставим все как есть?

– Как есть... А как есть?..

– В этом и дело – мы не знаем...

Он одновременно и высший, и низший офицер... и мы не можем ни поднять его, ни опустить...

Хэварт заглянул мне через плечо, всматриваясь в столбцы данных на развернутом экране...

– Вот черт... Вы настоящего черта сделали, полковник...

– Нет, Хэварт... Я сделал настоящего человека, который всегда и везде на грани между всем и

всеми...

— А вы подумали, что с таким человеком дальше делать, полковник?.. Он же, находясь ни там, ни тут не подходит ни тем, ни другим...

— Нет, Хэварт, не подумал... Я думал, что он подойдет всем...

— Подойдет — так же, как никому...

— Он должен остаться на этом месте — это его место... Мы не восстановим его в звании, и он останется стоять на грани — в одно время и высший, и низший офицер.

Я уронил перегруженную тяжелыми мыслями голову на руки... И мой слух прорезал звонкий до боли смех... Я полагал, что Радеев проведет на свалке еще несколько часов...

– Проследуйте за мной.

– Куда же вы меня поведете, Радеев?

– Да уж пока еще не на край света... Пока еще только в коридор...

– Что вам опять нужно?

– Не считите навязчивостью, но я пришел напомнить, что вам здесь не

место...

– Я помню.

– Но не понимаете...

– Теперь понимаю. Но больше мне нигде места нет.

– Как же?.. Таким, как вы всегда найдется место у нас... Теперь вы понимаете это? Понимаете, зачем я к вам пришел?

– Подождите, пока я сформулирую раскаяние и оформлю признание письменно.

– Письменно? Нет, не надо

утруждаться. Мне хватит и вашего согласия вступить в должность, указанную в этом документе.

Я рассеянно взглянул на развернутый передо мной экран...

– Что это, Радеев?.. Смертный приговор? Я не знал, что на нем нужно ставить подпись.

– А вы что, не прочтете, какой вам вынесен вердикт?..

– Нет, мне все равно, Радеев.

– Горечь осознания – гнусная штука, но не стоит пренебрегать таким предложением, какое

выдвигаем вам мы...

Я всмотрелся в текст, пробегая его глазами снова и снова, вчитываясь внимательнее и внимательнее, вникая в суть со все тяжелеющим трудом...

– Вы предлагаете мне работать на вас?

– Не на нас, а у нас – с нами, так скажем...

– Я не понимаю, Радеев... Вы что?.. Вы пришли только, чтобы?..

– Да, я пришел только, чтобы предложить вам работу.

– Так работу не предлагают...

– Я же должен был вас проверить – окончательно убедиться, что вы нам подходите... А когда убедился, должен был убедить и вас, что вы нам подходите... А главное – должен был переубедить вас, что вы не подходите для них – для тех, к кому вы себя причисляли прежде... Видите ли, здесь вы вредите, а у нас вы будете не просто безвредны, но и полезны... Знаете ли, сейчас не спокойные времена... Разум каждого кишит злыми умыслами, которые мы призваны выявлять и искоренять... И, к сожалению, мы не можем сделать этого, не применяя мер

устрашения и методик обмана... И нам нужны люди, владеющие этими методами в совершенстве, – такие люди, как вы... Вы – создатель кошмаров, видящий чужие помыслы... Вам открыты самые потаенные страхи, спрятанные в самых темных уголках разума... Вам ведомы все истоки мыслей, и в ваших руках все ключи от всех замков, запирающих душу за защитными стенами разума...

– Я не каратель и не стану им.

– Обман из головы людей выбить можем не только мы... Правды можно добиваться и иначе... И вы

станете нашим добытчиком – не таким, как мы... вы и свора ваших кошмаров...

– Нет, Радеев, работать с вами я не стану.

– Вы, смещенный на другую должность, сгниете здесь без надобности в ваших особых силах... А у нас – вы нужны... К тому же, здесь вы не просто сгниете, а и сгноите кого-нибудь от скуки ненароком... А у нас...

– У вас я буду гноить других...

– Виновных или обвиняемых...

– Я не для этого...

– Это ваше истинное призвание...
Это ваша, зажатая вами, натура, так
скажем...

– Я никак не могу уразуметь,
какова ваша натура, Радеев?

– О, не вы один такой... Но я
думаю, вы скоро разберетесь – еще
скорее, чем я...

Он подмигнул мне,
рассмеявшись...

– Искушаете меня загадками?..

– Вы любите загадки... Я знаю

все, что вы любите... Видите ли, ваши командиры вас бы к нам не отпустили без вашего согласия, вот я и потрудился изучить все ваши пристрастия... И я потрудился на славу... Ради того, чтобы заполучить вас, я пообещаю вам даже легализовать ваших “собак”, даже найти им весьма недурное применение... Ну что же, вы согласны?..

Я опустил глаза на Шлака, беспокойно сидящего у моих ног и скрипящего нервно дергающимся хвостом...

– Согласен.

– Правильно, хватит горе хлебать вашим страшным созданиям... Я слово сдержу... Я же пообещал вам, что без вас не уйду – и сдержал... Идемте на спуск – нам пора в наше подземелье...

Перед глазами проносятся рапорты, подписи, темные коридоры и обширные поля деятельности в службе госбезопасности... Да, я ступлю на другую дорогу – ступлю в свое, еще не открытое мне, будущее...

Ничего себе! И не знал, и не думал! Крысы мне ничего об этом не

сказали! Я в шоке, что они промолчали про создание Айнера, про создателя Айнера! Но теперь я все знаю! Я и не помышлял, что этот мрачный создатель, такой же “пограничник”, как наш Айнер... Я думал, что он – Айнер – один такой на свете! А его создатель ему не многим уступает, хоть и стабилен так, что Айнеру и не снилось! Случается же такое – стабильный человек, старающийся создать стабильного человека, – создает Айнера! Нашего Великого Героя! Теперь крысы причислят к лику Героев Великой Войны и его создателя! Никаких сомнений нет, что они это сделают! Они всегда так

делают после того, как записи таких людей читают! Они всегда их имена и номера на камне Великой Войны высекают!